18+

Валерий Казаков

Мечта на велосипеде

Повесть и рассказы

Валерий Казаков

Мечта на велосипеде. Повесть и рассказы

«Издательские решения»

Казаков В.

Мечта на велосипеде. Повесть и рассказы / В. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-670900-3

В новую книгу Валерия Казакова «Мечта на велосипеде» вошла небольшая повесть, где с тонкой иронией автор рассказывает о современных нравах русской провинции. Тут можно встретить никому неизвестных поэтов и художников, учителей и кочегаров, людей, мечтающих о светлом будущем и сожалеющих об утраченном и спокойном прошлом. Завершают книгу новые рассказы автора на злободневные темы.

ISBN 978-5-00-670900-3

© Казаков В.

© Издательские решения

Содержание

Мечта на велосипеде 6
Поэзия 7
Вера 11
На солнцепеке 15
Важный шаг 21
Грибовница 24
Сто двадцать три 26
На смене 31
Учитель 35
Мечта на велосипеде 39
Рассказы 45
Новый человек 45
Не знаешь, где потеряешь 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Мечта на велосипеде
Повесть и рассказы

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2025

ISBN 978-5-0067-0900-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечта на велосипеде

Маленькая повесть

Поэзия

В кабинете главного редактора районной газеты Ирины Матвеевны Садовиной было в тот день удивительно солнечно и тихо, как бывает всегда в русской провинции где-то в середине апреля, когда белые оконные косяки начинают привлекать первых мух и мохнатых невесомых бабочек, появляющихся неизвестно откуда. Ирина Матвеевна в блаженной сонливости сидела за красивым столом из мореного дуба и мечтательно смотрела вдаль за прозрачное оконное стекло, где на самом краю горизонта золотыми подсолнухами горели маковки Троицкого собора, а дальше по крутым берегам Уржумки синел сосновый лес. На душе у нее было спокойно и чуточку грустно.

В это время по широкому коридору редакции прозвучали чьи-то шаги, потом слегка приоткрылась массивная дверь, и тихий мужской голос за дверью произнес:

– Можно к вам?

– Да, да, заходите, – вынуждена была отозваться Ирина Матвеевна, таким образом нарушая привычное состояние блаженной сонливости.

Тяжелая дверь с легким скрипом отошла в сторону, и на пороге возник юноша лет двадцати пяти, высокий, слегка сутулый, с загорелым и немного смущенным лицом, в правой руке которого находилась серая авоська с кипой рукописей. Причем, если хорошенько приглядеться, то среди этих рукописей можно было заметить початую бутылку красного вина с пробкой из газеты и несколько круглых пряников, напоминающих деревянные подрозетники.

– Я из Пентюхино, – смущенно объяснил юноша. – Стихи прислал вам свои три дня назад, а вы позвонили к нам в котельную вчера. Ну, чтобы я приехал. Меня, правда, на смене не было, я за дровами ездил в лес, но мой сменщик Василий мне все предал.

– Да, да. Я припоминаю. Присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда. Проходите, – с улыбкой ответила Ирина Матвеевна.

Молодой человек прошел в дальний конец кабинета, сел там на краешек стула, отпустил авоську между колен, и в это время горлышко недопитой бутылки предательски выглянуло из нее.

– Вас Андреем звать? – спросила Ирина Матвеевна.

– Да, – отозвался он хрипловатым голосом, и тут же добавил для ясности: – Андрей Иванович Голенищин.

– А я Ирина Матвеевна, – представилась она.

Он виновато стащил с большой головы лохматую кроличью шапку и вытер свободной рукой пот с высокого смуглого лба. Ирина Матвеевна в это время с интересом наблюдала за ним. «Типичный провинциал, – решила она. – Вполне возможно, талантливый, но стеснительный не в меру, и, кажется, слегка под хмельком для смелости». Потом они оба молча смотрели друг на друга несколько секунд. Причем смотрели так, как могут смотреть только поэты и художники – две родственные души. При этом редакторша показалась Андрею достаточно молодой и даже симпатичной, но уж очень высокой и очень худой.

Между тем Ирина Матвеевна откинулась на спинку стула, машинально передвинула какие-то бумаги у себя на столе и непринужденно закурила, взяв сигарету как-то особенно элегантно в свои длинные тонкие пальцы.

– Я прочитала ваши стихи, – наконец начала она, испустив вверх тонкую струйку дыма, – и скажу вам честно, они мне понравились. Кое-что даже можно печатать прямо сейчас. Но, понимаете, в ваших стихах много такого, что настоящей поэзией не назовешь… Конечно, я понимаю – не все стихи пишутся для печати. Часть, наверное, для души. Ведь так?

Андрей сглотнул слюну и кивнул, потому что язык у него на какое-то время онемел и совсем не чувствовался.

– И вы удивительно много пишите, судя по рукописи.

Она подняла его рукопись в своей тонкой руке, как бы взвешивая ее, и по тому, как она это сделала, Андрей понял, что его рукопись весит килограмма два – не меньше.

– Очень много пишите, – повторила она, – и, наверное, каждый день.

Он снова виновато кивнул. Действительно, он пишет очень много. Но, что тут поделаешь, если пишется, если его тайные чувства выхода просят, особенно, когда в котельной больше нечем заняться.

Она снова улыбнулась ему и продолжила:

– Я, знаете, тоже стихи пишу. В этом смысле мы с вами коллеги, но у меня другие правила. Я долго вынашиваю каждую строку своего стихотворения, долго обдумываю каждое слово. А сам стих рождается у меня потом почти случайно, когда придет пора.

Она снова улыбнулась ему. Он кивнул. Растерялся и кивнул для убедительности еще раз.

– Мне, чтобы столько написать, понадобилось бы несколько лет, честное слово.

Он снова кивнул два раза. Ну, конечно, он слишком много пишет, но, что поделаешь, если пишется. Когда-то он пробовал не писать, но без стихов жизнь становится такой постной, такой пустой, что от тоски сдохнуть можно.

– Я хочу сказать вот что, – уточнила редакторша. – У вас, Андрей, хотя бы иногда не появляется желание что-либо переделать? Слова переставить местами, например, уточнить некоторые детали?

Он отрицательно и недоуменно покачал головой, видимо ожидая от нее чего-то еще более скверного.

– Ну, знаете ли! – удивилась редакторша. – Это трудно понять! Очень трудно. Ведь есть стихи, которые станут настоящими, если в них всего одно слово заменить, или переставить местами. Вот, например, вы пишите: «Маки, маки, вы красные знаки весны». А если написать так… Ну, вот так, допустим: «Флаги с маками одного цвета – это весны первомайской примета». И конкретно получится, и глубоко, и по теме более объемно, более выразительно.

Ирина Матвеевна победно посмотрела на своего слушателя. Андрей удрученно опустил голову, плечи у него при этом тоже опустились, и из его переполненной авоськи как-то боком, очень некстати, вывалилась бутылка с портвейном, потом быстро покатилась по чистому паркету, оставляя на нем тонкий красноватый след. Андрей быстро поднял злополучную бутылку, сунул обратно в авоську, а потом испуганно посмотрел на редакторшу, и сразу почувствовал себя очень маленьким в этом через меру светлом и просторном кабинете. Ему на секунду показалось, что вся его сущность сейчас поместилась бы в оттопыренном кармане пиджака. Чувствуя ужасную неловкость, он сдавленно вздохнул, потом сообразил, что от него, кажется, чего-то ждут, поднял глаза на Ирину Матвеевну и забормотал:

– Стихи-то переделывать свои как-то рука не поднимается, знаете ли.

– А вы не руками старайтесь – головой, – перебила его Ирина Матвеевна с явной иронией в голосе. – Или для вас это не подходит? Как говорится: «Что написано пером – не вырубишь топором».

– Вот – вот, – заторопился с ответом сбитый с толку и раздосадованный Андрей. – Плотники мы. Отец у нас был по этой части большой мастер, ну и мы, естественно, по его стопам пошли. Мастерство-то плотницкое и нам передалось тоже. А уж относительно того, что я тут написал – вы не беспокойтесь. Я переделаю, если нужно. Честное слово.

– Наверно, вам угол легче срубить, чем новую рифму для готового четверостишия придумать, – примирительно улыбаясь, произнесла Ирина Матвеевна.

– Угол-то? – оживился Андрей. – Как не легче. Там мы вдругорядь не переделываем. Стараемся сразу не прошляпить. Известное дело – каждая лесина у хозяина на счету… Как можно? А тут, в стихах-то, я переделаю, если необходимо. Если нужно. Вот в следующий раз на смену пойду и переделаю обязательно. Уж вы не беспокойтесь. У меня на смене в котельной

свободного времени полно… И про красные знаки вы правильно говорите. К месту, можно сказать. Ну, и прочее тоже, относительно веса… Я много пишу. Много. Да еще бумага в этот раз попалась для ксероксов. Белая, но тяжелая. Если я к вам еще когда-нибудь приеду, то кила на два меньше рукопись привезу. У меня есть такая одна. В чулане лежит. С одного боку, правда, ее мыши подточили, но читать еще можно. Там всего четыре стихотворения, но длинные.

Ирина Матвеевна в это время прикрыла рот ладошкой, чтобы вслух не рассмеяться и не смутить молодого человека. А он между тем вполне серьезно продолжил:

– Я, пожалуй, пойду. Вы уж извините меня. А то, как бы на автобус не опоздать. Мне сегодня вечером надо на смену.

Но Ирина Матвеевна почему-то ничего не ответила ему, только загадочно улыбнулась. Андрей в это время с тоской посмотрел на дверь. И зачем пришел, для чего? Вот сиди теперь и выслушивай разные нотации, как школьник какой… А на улице-то весна, небо синее, облака с розоватыми боками. Грачи на деревьях галдят во всю.

– Чтобы писать хорошие стихи, – назидательным тоном продолжила Ирина Матвеевна, – надо прежде всего русскую классику знать… Ахматову, к примеру, вы читали? Или Рубцова? Или Бродского, на худой конец?

Андрей отрицательно покачал головой. Чего еще захотела, долговязая мымра. Да ни один из них в подметки Есенину не годится. Стихи Есенина ни с какими другими не спутаешь. А Бродский совершенно другой. Пробовал он однажды Бродского читать в сельской библиотеке – и ничего толком не понял. Не стихи, а белиберда какая-то.

– Вот видите, – почему-то обрадовалась редакторша, – не читали, а хотите хорошие стихи написать. Да вы азов поэзии не знаете. Элементарных азов! В этом все дело! Надо больше читать и…

И в это время на столе у нее зазвонил телефон. Ирина Матвеевна привычным движением сняла трубку и поднесла ее к маленькому бледному уху.

– Алло. Да, я слушаю… Так, так, так… Сейчас зайду, только вы все документы заранее подготовьте… Да, да, все подпишу сразу.

Она деловито поднялась со стула, посмотрела на Андрея своими серыми большими глазами и деликатно попросила:

– Подождите меня минуточку, пожалуйста. Мне срочно нужно в бухгалтерию зайти. Я вернусь, и мы с вами договорим.

– Угу, – уныло хмыкнул он.

И она ушла, – такая деловая, такая высокая и высокомерная, что Андрей на секунду испугался, а вдруг передумает и вернется с полдороги. Но она не вернулась, она покинула свой кабинет, и ее шаги постепенно смолкли в конце коридора. Где-то там скрипнула дверь и наступила желанная тишина. Воспользовавшись этим, Андрей стремительно соскочил со своего места, схватил со стола свою объемную рукопись, сунул ее в переполненную авоську поверх бутылки и, не надевая шапки, запинаясь за что-то в полумраке длинного редакторского коридора; боясь, что спутает в этой спешке двери, бросился на улицу. Если бы сейчас, не дай Бог, он столкнулся в коридоре с Ириной Матвеевной, он, вероятно, сшиб бы ее с ног, испугавшись до полусмерти одного ее вида.

Но Бог миловал его. Он благополучно выбрался на улицу. А там сразу же испытал такое желанное и такое приятное облегчение, что захотел утвердить его как следует. Зашел за угол какого-то кирпичного дома, достал из сетки злополучную бутылку красного и в несколько глотков осушил ее до дна. Апрельская улица после этого показалась ему восхитительной. На яркой весенней улице во всю каркали грачи, шуршали шинами машины, а с крыши редакции мерно капала талая вода. Капли долбили и без того ноздреватый весенний снег, и звук этих капель был похож на звон серебряного колокольчика. А небо было такое удивительно высокое, такое

по-весеннему зеленоватое, что казалось уже совсем летним. И глядя на все это, Андрею с новой силой захотелось жить, снова захотелось любить и, как это ни странно, писать стихи.

Возвращаясь из районного центра на рейсовом автобусе домой, Андрей сидел у окна, смотрел вдаль и мечтал когда-нибудь встретиться со своей бывшей одноклассницей Верой, в которую был когда-то влюблен. Эти мысли зажгли в его душе огонек хрупкой надежды на светлое будущее, на понимание. Вера оценит его увлечение стихами, Вера поймет. Не даром в школе она была отличницей.

Вера

Вера приехала в Пентюхино из большого города отдохнуть, а ее одноклассник Андрей безвыездно жил тут, работал в школьной котельной кочегаром и мечтал о красивом будущем. Она несколько дней привыкала к сельской тишине и скуке, а он искал повод для будущей встречи с ней, наблюдал издалека, любовался ее фигурой. Она днем загорала на песчаной косе у речной излучины, ночью крепко спала, а по утрам бегала в тонком трико до Дуниной пасеки. Прибегала мокрая выше колен, слегка усталая, но довольная собой; с наслаждением умывалась холодной водой и выпивала стакан парного молока. Она не искала встреч с бывшими одноклассниками, которых в селе, по правде сказать, почти не осталось, не чувствовала в этом нужды. Он сам ее нашел.

Вот уже второй вечер они ходят мимо ржаного поля к туманному еловому лесу и много говорят. Она – кратко и сухо, он, тщательно подбирая слова и стараясь показаться умнее, чем есть на самом деле.

– Ты не представляешь, Вера, как я тут по настоящему общению соскучился, – начинает он. – Мне здесь душу высказать некому. Все кругом только о деле говорят. Никаких отвлеченных тем, никаких оригинальных мыслей… Ты не представляешь, Вера, как мне здесь скучно. О настоящем искусстве хочется поговорить, а не с кем… Все мои ровесники, как только из армии пришли, так сразу переженились кто на ком, детей нарожали и скотину завели. А сейчас вот дома строят из бревен.

– Понятно, – соглашается Вера и смотрит поверх ржи на догорающий закат. – Но я, кстати сказать, не вижу в этом ничего плохого.

– В чем? – переспрашивает он.

– В этих самых домах из бревен. В селе без хорошего дома нельзя. Да и живность какую-нибудь иметь неплохо. Это традиция. Таков сельский уклад.

В городе у Веры остался солидный, хорошо образованный муж и два курчавых мальчика. Ее дети тоже любят смотреть на яркий летний закат, только редко его видят за высокими спинами серых домов. Очень жаль, что они не приехали с ней в этот раз. С ними было бы веселее.

– А вот признайтесь, Вера, – неожиданно произносит Андрей.

– Что? – рассеянно переспрашивает она. – В чем я должна признаться?

– Ведь вы, городские люди, всегда ставите себя выше нас, аборигенов.

Вера, улыбается и быстро говорит:

– Так тебе только кажется, Андрюша.

– Но это правда, – настаивает Андрей. – Правда! Хотя, я не понимаю, чем вы от нас отличаетесь? Ведь мы здесь тоже телевизор смотрим, книги разные читаем, музыкой увлекаемся, поэзией. Вот я, например, Сергея Есенина очень люблю и Максимилиана Волошина. Порой перечитываю их произведения, когда мне грустно.

Вера с улыбкой слушает Андрея и смотрит вдаль.

– И Анну Ахматову я очень ценю, – неожиданно добавляет он.

– Даже Ахматову? – почему-то удивляется Вера.

– А что?

– Да так… Мужчины обычно женскую лирику воспринимают по-своему.

– Ну вот, ты тоже смотришь на это с иронией.

– Да что ты, Андрюша! Вовсе наоборот.

– Да нет, Вера. Мы с тобой начинаем по-разному смотреть на жизнь. Вы – из своего условного мира, мы – от земли, без всяких условностей… У вас там политические баталии, война идей, а мы здесь за все это расплачиваемся своими шкурами. Хотя, вообще-то человеку, наверно, свойственно примыкать к определенному кругу людей, которые примерно так же мыс-

лят, как он… Может быть поэтому и разъезжаются люди по разным странам, по разным городам. Они не от трудностей бегут, от непонимания.

– Пожалуй, – говорит Вера и беззвучно зевает, прикрывая рот маленькой ладошкой. – Тут ты прав…

Где-то на опушке леса в это время громко кричит птица. Молодые люди останавливаются и смотрят вправо, туда, откуда выпорхнул птичий крик, но ничего там не видят, кроме закатного неба и одинокой, остро блестящей звезды над кронами темных деревьев. Когда птица смолкла, сделалось как-то непривычно тихо и от этой тишины удивительно легко. Так легко, что Андрею захотелось спеть что-нибудь или, на худой конец, прочитать небольшое стихотворение. Но он сдержал себя. Нужно сначала высказать Вере все свои сокровенные мысли. Она поймет и оценит их. Она всегда была умной, с первого класса. Недаром сейчас у нее высшее образование. Андрею почему-то очень хотелось произвести на Веру хорошее впечатление. Вера всегда ему нравилась. Высокая и стройная, с выразительными темными глазами, она всегда выглядела цветущей женщиной. Андрей, пожалуй, казался старше ее, тем не менее, он был еще не женат и на всех привлекательных женщин смотрел с особым чувством, в котором уживались обожание и обида. После школы он сумел закончить только лесной техникум, да то потому, что туда принимали без экзаменов.

– Что это за птица? – вдруг спросила Вера.

– Наверное, чибис, – наугад ответил Андрей. – Я такого однажды на болоте видел. Клюв у него длинный, а сам он серый весь. Бежит по кочкам и подпрыгивает. Ноги у него тоненькие, длинные…

«Как у тебя», – подумала Вера. Она представила Андрея на болоте, и не смогла сдержать ироничной улыбки. Он был сейчас как этот самый чибис. Только Андрей был чибис интеллигентный.

– Тогда я его убил, – вдруг произнес он с сожалением. – Больше никаких птиц на болоте не было, вот и пальнул по этому длинноногому. Просто так… Зря, конечно… Сейчас жалею.

Андрей вздохнул сдавленно и посмотрел на Веру с тайным вопросом в глазах: как она отреагирует.

– Все мы так поступаем до поры до времени, – сказала она холодно и быстро стала удаляться. Он догнал ее, еще раз заглянул в лицо. Лицо у Веры на этот раз было, пожалуй, такое же как раньше, только слегка удлиненное сумерками и потому более таинственное, более загадочное. Как-то не верилось, что у этой красивой женщины уже двое детей, солидный муж и престижная работа. Не хотелось об этом думать.

Вера в это время размышляла о том, что ей давно пора на отдых. Давно пора спать. Она еще вчера устала от длинных разговоров ни о чем, потому что приехала сюда отдохнуть без тревог, тем более, без тоскливой обязанности думать о чужих, далеких для нее проблемах. К тому же все умные разговоры ей надоели в городе, где остался ее надежный и перспективный муж. Но Андрей почему-то этого не понимает. Он говорит и говорит, говорит и говорит.

– Вот, например, в нашей русской поэзии я уважаю только Сергея Есенина, – продолжил Андрей старую тему. – Он один сумел до конца выразить в стихах русскую душу. Помнишь, начал он, бледнея: «Не ругайтесь. Такое дело! Не торговец я на слова. Запрокинулась и отяжелела золотая моя голова. Нет любви ни к деревне, ни к городу, как же мог я ее донести? Брошу все, отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси»?

После чтения стихов Андрей на секунду умолк, а потом продолжил:

– Как будто про меня написано, честное слово! У меня иногда тоже появляется такое желание. Бросить все к чертовой бабушке и уйти, улететь куда-нибудь. Бродягой пойти по Руси…

– Странное чувство, – проговорила вполголоса Вера.

– Пожалуй, – согласился он, а потом продолжил: – Я много стихов знаю. Может, почитать? У меня и свои есть.

– Не нужно, – поторопилась ответить Вера.

– Тогда расскажи о себе, – попросил он. – Я почти ничего о тебе не знаю.

– А что тебя интересует?

– Ну, к примеру, кто твой муж? Где работает, сколько получает?

– Он инженер. А получает двести рублей, кажется.

– Вот те на! – удивился Андрей и с улыбкой победителя почесал

лысеющий затылок. – Даже я по три сотни имею каждый месяц, не считая премиальных. Да мы еще с другом в свободное время печи кладем, кому потребуется… Вот! И заборы ремонтируем еще, крыши железом кроем… Хотя, знаешь, деньги – навоз, когда нету, когда – воз!

Вера снова улыбнулась, глядя себе под ноги. Ей, пожалуй, уже пора идти обратно к дому, иначе она не успеет как следует выспаться и на весь следующий день лишится приятной бодрости. В конце концов, она приехала сюда отдыхать, а не разгуливать по ночам… И что Андрею дают эти скучные вечера с ней? Непонятно… Отказать ему неудобно, он бывший одноклассник, но и гулять вот так вот целыми ночами нет никакой нужды.

Между тем Андрей в это время почувствовал в душе какую-то странную музыку, от которой запели в нем самые тонкие струны. Ему очень не хотелось отпускать Веру домой. Да и сама Вера, вероятно, не хотела этого, только делала вид, что устала. Ведь все женщины в городе немного развратницы, подумал он, все имеют любовников, особенно такие красивые и соблазнительные, как Вера. Ее надо только как следует удивить, только соблазнить чем-нибудь оригинальным – и дело в шляпе. К тому же поэзию она прекрасно понимает – значит чувственная, и губы у нее красивые, влажные, манящие.

На опушке леса, где они неожиданно остановились, пахло цветущим лабазником и полынью. Слева, на синеющей подле леса ржи, сиял лунный блеск, наполняя душу чем-то загадочным. Справа вдоль всего горизонта возвышалась туча с лохматыми боками. Место это показалось Андрею самым подходящим для первого поцелуя. Он неуверенно приобнял Веру, потом потянул к себе, но она легко от него отстранилась и сделала удивленное лицо, как бы говоря: «Ни к чему это все, Андрюша». Он в свою очередь испытал досадный приступ неловкости и опустил глаза. Некоторое время после этого оба шли молча. Но вот он снова заговорил, вспомнил что-то смешное из детства, и все сразу стало на свои места. Как будто и не было ничего.

Так они дошли до плотной стены молодого ельника, потом не сговариваясь повернули обратно. На небе не было уже ни сиреневого отсвета, ни облаков, только темная ночная мгла, напоминающая бархатный занавес. Вера почувствовала легкий озноб, вдоль спины у нее быстрым веером пробежались мурашки, ноги стали тяжелыми. Захотелось в тепло. А Андрей между тем все говорил и говорил.

– В городе человек меняется быстро. Там, знаешь ли, условия другие. Особенно для любви. На каждом шагу рестораны, кабаре, бары. Везде народ денежный, от безделья жирный. Энергию-то расходовать им некуда, вот и они растрачивают ее в безмерном кутеже… Вон, во Франции, говорят, у каждой порядочной женщины есть молодой любовник. Мода такая… У нас, слава Богу, пока еще иные нравы, но, я думаю, мы к этому тоже когда-нибудь подойдем. Дурное-то дело нехитрое… Хотя, если трезво рассудить о супружеской жизни, то, конечно, приедается каждый день одна и та же рожа.

Вера по инерции улыбнулась, но постаралась побыстрее убрать с лица улыбку, потому что Андрей может расценить ее по-своему.

– Вот я бы, например, не выдержал. Загулял бы от тоски, – неожиданно признался он.

– Интересное словосочетание. Загулял от тоски, – отозвалась Вера.

– Вот… И тебе у нас, наверное, тоже скучно. Все одна да одна… И я тоже один…

Вера удивленно посмотрела на Андрея. Неужели он это серьезно? Между тем село было уже близко. Начались огороды с темными громадами лип возле плетня, с диким малинником вдоль лога, с крапивой в человеческий рост. Вот и сенокос тети Наташи у заброшенного колхозного склада. Свежая копна сена темнеет на нем.

«Будь что будет», – решил Андрей и резко повернулся к Вере. Потом судорожно схватил ее за теплую руку и в сильном волнении потащил к манящей копне. От внутреннего напряжения и гулких ударов сердца он тяжело дышал и совсем не мог говорить. Мысли в его голове перепутались, реальность разбилась на мелкое крошево, выжила только необъятная и непобедимая страсть. Не понимая, что он делает, Андрей увлек Веру на пустынный огород, повалил там на копну свежего сена, стал ее целовать, что-то расстегивать… И пришел в себя только, когда получил хлесткий удар по лицу, от которого сильно зашумело в ушах. После этого он со страхом и недоумением посмотрел на Веру и увидел в ее глазах откровенный испуг. В это время Вера попыталась освободить из его объятий свою тонкую и горячую руку. Но он не отпустил ее.

– Что… все это значит? – с дрожью в голосе проговорила она. – Что это?

– А разве не ясно? – захлебываясь от волнения и страха, заговорил Андрей, бледнея и обретая дар речи. – Второй вечер… стихи тебе читаю. Пора бы… понять.

– Что понять?

– А вот что! – проговорил он решительно, еще пуще обнял ее и стал целовать в пылающие нервным румянцем щеки. – Вот что!

Его нахальная рука молнией прошлась по ее спине, скользнула вниз – вверх, что-то поддела, откинула и сразу Вера почувствовала, как голодные комары впились ее в оголенные ягодицы.

– Я так не могу. Не могу! Ты понимаешь?

Но он уже ничего не слышал и ничего не понимал. Прижался костлявым телом к ее животу, обдал жарким дыханием, запахом табака и забормотал что-то невнятное. Она напряглась из последних сил, подтянула к животу одну ногу, потом другую и с тихим стоном отбросила его от себя. Потом по-спортивному быстро встала на ноги.

– Ничего, ничего, – сказал он откуда-то из темноты. – Так мне и надо… Я заслужил.

«Мерзость! Какая мерзость! – решила она. – Завтра же уеду отсюда», – и быстро зашагала прочь к селу, темнеющему за громадами тополей. В это время Андрей медленно поднялся с земли, постоял немного возле злополучной копны, потом сел на нее и опустил бледное лицо в холодные ладони. Сейчас у него был такой вид, как будто он толком не понимает, что произошло. Он не хотел никого обидеть, он просто переиграл в стремлении угодить, стать обаятельным, таким, как все интеллигентные люди.

Немного погодя он закурил, смахнул откуда-то с носа невесть откуда взявшуюся слезу, тяжело вздохнул и, неуверенно ступая по свежей стерне, направился к дому. Ночь была уже на исходе. За рекой громко пел единственный на всю округу соловей, во всем мире было пусто и возвышенно.

На солнцепеке

С детства у Андрея было такое ощущение, что он живет не сам по себе, а в неких рамках, которые ограничивают его возможности. Это были рамки семьи, общества, государства. И в каждой из этих рамок действовали свои законы, преступать которые было нельзя, хотя за этими рамками было так много всего манящего, так много интересного, что временами становилось даже обидно.

Как только он вырос – его обступили со всех сторон квадратные дома, острые углы тяжелых жизненных проблем, квадратные от излишней полноты женщины и мужчины. Но не смотря на все это, мечта когда-нибудь подняться выше всех не умирала. Не умирала и тяга к стихам. И звездное небо стало манить еще больше. Оно удивляло своим бесконечным овалом. Андрей, глядя в небо, думал порой о том, что только там существует настоящая, ничем не ограниченная свобода, только там может свободно парить его душа.

К тридцати годам Андрея даже книги перестали интересовать. В книгах жили люди свободные, а он постоянно ощущал свою внутреннюю несвободу. И эта несвобода почему-то угнетала его. Правда однажды его по-настоящему увлек американский писатель Френсис Скотт Фицджеральд своим романом «Великий Гэтсби», где Андрей нашел нечто созвучное своим чувствам, потом чем-то загадочным и роковым поразил его художник Врубель. Вот и все, пожалуй… После этого были только вспышки в полутьме. Полутьма родила апатию, и Андрей решил жениться, чтобы на какое-то время позабыть обо всем на свете. Стал искать себе спутницу жизни, но поиски эти сильно затянулись, потому что излишне полные особы его не интересовали, а изящные женщины в провинции долго не задерживались, старались уехать в более перспективные и привлекательные места.

Маленькое село, в котором жил Андрей со старой и больной матерью, представлялось ему нагромождением серых деревянных квадратов, окруженных со всех сторон высокими заборами. Временами Андрею казалось, что квадратные здания были наставлены в Пентюхино без какого-либо расчета и перспективы. Они образовывали то горы, то обрывистые кручи, то нависающие друг над другом выступы. И казалось странным, что в этих домах по вечерам зажигается свет, что там порой слышится музыка.

Все дороги в Пентюхино шли в гору, или с горы, поэтому весной и осенью множество людей тут разбивалось насмерть при неудачном падении, а некоторые умудрялись упасть так легко, что не получали даже ушибов.

В этом селе когда-то была очень красивая и высокая церковь, но ее золоченые кресты выступали за рамки новых революционных веяний, поэтому эти кресты было решено спилить, а память о древней церкви увековечить в художественных картинах, написанных маслом. После рыночных реформ старую церковь решено было реставрировать. Она порой обрастала строительными лесами, но дальше изготовления деревянных лесов дело почему-то не шло. Постепенно церковь стала ветшать и разрушаться, а на её куполах поселились ленивые и упитанные местные вороны, которые каркали довольно редко, но очень пронзительно.

Самым примечательным местом в этом старом селе была большая канава, которую вымыло когда-то весной непокорными талыми водами. Эта канава делила большое село на две живописные части. С незапамятных времен местные жители привыкли сбрасывать в канаву разный домашний мусор: полиэтиленовые пакеты, стеклянные бутылки, старые туфли и сапоги, дохлых крыс и кошек. На дне этой канавы, в густых зарослях ивы, жили бездомные собаки, лисы и еноты. А в конце канавы, у речки Бушуйки, с давних пор лежали два огромных валуна, происхождение которых было никому неизвестно. В солнечные дни эти гладкие дымчато-серые валуны так сильно нагревались, что не остывали до глубокой ночи. На одном из этих валунов после рабочего дня Андрей привык проводить свое свободное время. Обычно

он задумчиво сидел на теплом валуне, обхватив тонкими руками худые колени, и смотрел вдаль, туда, где лесистые склоны подходили к самому берегу реки и образовывали нечто живописное, отдаленно напоминающее северную Швейцарию. И мысли при этом у Андрея рождались какие-то иностранные, несвойственные пологому течению провинциальной российской жизни.

Однажды возле этих валунов Андрей познакомился со своим лучшим другом Колей Лебедевым. Николай тоже часто приходил сюда по вечерам. Беседовать с Николаем Андрею всегда было интересно. Они легко находили общую тему для разговора и так увлекались, что иногда не могли расстаться до позднего вечера.

Однажды Андрей с серьезным лицом признался Николаю:

– Я никому об этом не говорил, а тебе скажу.

– О чем? – заинтересовался друг.

– Я во Франции побывать хочу. Что-то в душе такое проснулось, знаешь ли. Мир хочется поглядеть, вырваться за обыденные рамки.

Николай удивленно посмотрел на друга, но ничего не сказал. Тогда Андрей продолжил:

– Как ты думаешь, до Франции можно пешком добраться?

– А почему пешком? – удивился Николай.

– Да у меня на туристическую путевку денег нет. А так, пешком-то, я бы пошел, пожалуй. До Польши я бы добрался как-нибудь, а там посмотрел бы… Может есть какие-то тайные тропы?

– До Франции через Польшу не дойти, – заверил Николай, немного подумав. – Там же еще граница с Германией, кажется… А у немцев на границе строго… Нет, пешком нереально. Если бы можно было пешком, я бы тоже пошел. Мне тоже охота поглядеть, как живут люди за кордоном… Хотя, говорят, где-то у нас в местной администрации есть кабинет правящей партии.

– Какой? – переспросил Андрей.

– А у нас одна правящая партия – «Единая Россия», – пояснил Николай. – Там с путевками по зарубежным странам молодым активистам помогают.

– Как помогают? Каким образом? – заинтересовался Андрей.

– Точно не знаю, но каким-то образом способствуют.

– Хорошо бы такую путевку получить, – признался Андрей. – Меня на днях Сережка Адъютант позвал могилы копать. На могилах сейчас много можно заработать. Народ мрет, как мухи. Может и на путевку во Францию заработал бы, если не за полную рыночную стоимость, как ты говоришь.

Николай отрешенно посмотрел в сторону реки и проговорил:

– А я тут новое стихотворение написал. Хочешь послушать?

– Валяй, – согласился Андрей. – Все равно заняться-то нечем.

И Николай стал читать новое стихотворение, сопровождая чтение театральными взмахами правой руки. При чтении он сильно бледнел, но совсем переставал заикаться.

Принимаю мир без правил,
Так, как Бог его оставил,
В пирамидах и крестах
На насиженных местах.
Принимаю всех любимых,
Всех святых, в душе хранимых,
Все мосты, что сожжены,
И над ними – лик жены.

– Ну как? – спросил Николай, после того как немного успокоился.

– Хорошо, – ответил Андрей. – Трогает.

– Хочешь, еще почитаю.

– Нет, не нужно. Я ведь тоже стихи-то пишу, только чуть похуже твоих. Но когда я на собеседование в местную редакцию ездил, меня главная редакторша похвалила. Ничего, говорит, такие стихи уже печатать можно. Есть в них что-то дельное, только нужно в них кое-что переделать.

– Ну… и?

– Я переделывать отказался… Принципиально.

Андрей сидел на камне сутуло, сжимая в руке узкий подбородок, и глядел на воду, а Николай стоял возле него, заложив руки за спину и размышлял о чем-то своем. Его длинные волнистые волосы иногда пошевеливал теплый южный ветер. Андрей посмотрел сбоку на своего друга и решил, что с таким можно отправляться в самое рискованное путешествие. Он потом стихи напишет о своих злоключениях, прочитает ему, Андрей послушает.

Между тем мечта посетить Францию Андрея не отпускала. Он решил вырваться на денек в город и походить там по разным инстанциям, а вдруг «Единая Россия» и правда поможет как-то решить его проблему. Ему бы только воздухом Парижа подышать, послушать его многоголосый гул. Ему бы только посмотреть, что за люди французы. О чем они говорят, чем интересуются? К тому же, может ему в Париже с какой-нибудь француженкой повезет познакомиться. Она полюбит его, он ее. Потом они поженятся, и он привезет ее в Россию. Правда, ему при ней будет неудобно возвращаться на свою тяжелую работу в школьную котельную. Но это ничего. Он заранее расскажет ей, что он не бизнесмен вовсе и даже не сильно образованный человек, зато его большая любовь все на свете затмит, все скрасит.

На следующий день Андрей с воодушевлением сел в автобус, доехал до районного центра, и по узким улочкам стал пробираться к зданию районной администрации. Здание районной администрации тоже было квадратным, только этот серый квадрат возвышался над всем городом. Андрей походил по гулким коридорам этого монументального строения, постоял перед высокими дверьми в разные кабинеты, и незаметно растерял всю свою решительность. Язык у него отчего-то сделался деревянным, настроение испортилось, а левая рука так и норовила почесать холодеющий затылок.

Набираясь смелости, Андрей два раза заходил в просторный туалет на втором этаже, мыл там руки и смотрел сам на себя в широкое зеркало. Видел в нем испуганное лицо чужого человека, и не мог понять, отчего этот человек так волнуется? Чего он боится? Потом достал из целлофанового пакета бутылку красного вина, отпил от нее немного, заткнул горлышко бутылки пробкой из бумаги, закусил сухим печеньем и поставил бутылку обратно. После этого спустил в унитаз большую порцию воды и снова вышел в коридор.

Наконец в середине длинного коридора на третьем этаже он нашел нужный кабинет. На двери кабинета было написано: «Референт по работе с обращениями граждан Хохрякова Тамара Минеевна». Андрей нерешительно постучал в высокую дверь, потом слегка приоткрыл ее, сделал шаг внутрь светлого кабинета и от сильного волнения неожиданно забыл, что ему тут нужно? Тучная женщина за столом приветливо улыбнулась ему и проговорила мягким голосом:

– Во-первых, здравствуйте, молодой человек, а во-вторых, у нас перед дамой принято снимать головной убор.

– Здрасте! – еле слышно выдавил из себя Андрей и весь покраснел. Потом нерешительно, как бы извиняясь, снял с головы кепку и засунул ее в карман куртки. – Я, это самое, к вам по делу пришел.

– По какому? – с улыбкой поинтересовалась тучная женщина за столом.

– Понимаете, мне нужно съездить во Францию. И…

Лицо женщины на мгновение дрогнуло, она попыталась прикрыть рот ладошкой так, как это делают люди, желающие скрыть ненужную улыбку.

– Во Францию? Ха-ха! И кто же вам посоветовал обратиться именно ко мне?

– Да никто, я сам, – смущенно проговорил Андрей.

– Ну ладно. Тогда давайте знакомиться. Меня зовут Тамара Минеевна. Я заведую отделом районной администрации по работе с молодежными организациями и обращениями граждан… А с кем, извиняюсь, имею честь беседовать?

– Голенищин Андрей Иванович – кочегар из Пентюхино, – немного осмелев, представился посетитель.

– Мне бы хотелось узнать, где вы конкретно работаете? – уточнила женщина. – В какой организации?

– Я в школьной котельной работаю. А на лето устраиваюсь сборщиком живицы в Уржумский леспромхоз.

– А лет вам лет сколько? – снова спросила Тамара Минеевна.

– Тридцать три.

– И вы не женаты?

– Нет.

– С кем живете? – не давая Андрею опомниться, снова заговорила тучная женщина. Он заметил, что она говорит непривычно быстро и при этом еще успевает что-то записывать на маленьком листке бумаги.

– Я, это самое, с матерью живу.

– В ее доме, надо полагать?

– Да.

– Мать на пенсии?

– Да.

– Сколько получает?

– Это самое. Десять тысяч.

– Тяжеловато с такой пенсией… Вам, наверное, приходиться ей помогать.

– В смысле? – не понял Андрей.

– Деньгами.

– Нет, ей хватает. Чего она больно покупает-то. Старуха уже.

– Хозяйство у вас есть?

– Это самое. Корову держим, двух поросят. Курицы имеются.

– Молоко сдаете?

– Куда?

– В СПК имени Кирова для обмена на комбикорма.

– Сдаем, это самое, но комбикормов за молоко нам не дают, и зерна тоже не продают, хотя в договоре написано, что обязуются.

– Приусадебный участок у вас есть? – снова спросила Тамара Минеевна.

– Есть… Это самое, двадцать пять соток.

– Что садите?

– Это самое. Картошку садим, свеклу для коровы и для поросят тоже, огурцы, помидоры, естественно. Это больше все мать насчет овощей-то, а я только поливаю.

– В деревне без хозяйства нельзя.

– Нельзя, – согласился Андрей. – Мы с материю на окраине села живем, там, где большая канава начинается.

– Какая еще канава? – не поняла Тамара Минеевна.

– Ну, где речка Бушуйка течет. Куда мусор сваливают соседи.

– Там колхоз имени Кирова рядом?

– Да, это самое, его контора за нашим домом стоит.

– Вот как… Ну, вам, знаете, еще можно жить. Можно жить, знаете ли. Все свое. Корова есть, поросята, как вы говорите. Излишки можно на базар в зимнюю пору… Личное хозяйство – это, я вам скажу, хорошее подспорье для всей нашей экономике. Не бросайте его, работайте на земле… Мы, знаете, сейчас настраиваем людей именно на это. Владимир Владимирович в последнем выступлении сказал, что крестьянам надо помогать… Мы наращиваем темпы дорожного строительства на селе. Так сказать, сельскому жителю – особое внимание… И надо устраивать быт. Вам тридцать лет.

– Да, это самое. Тридцать три исполнилось.

– Вы, можно сказать, уже зрелый мужчина в возрасте Христа, а живете бобылем. Нехорошо! Вот отсюда и неустроенность, дискомфорт, странные желания. Возраст требует свое, знаете… Вот у меня, например, отец тоже в деревне жил. Так он, знаете, валенки катал, сети вязал, морды и корзины плел. Породистый был крестьянин. А породистый крестьянин должен все уметь. Ведь это и есть культура. Внешняя-то культура у многих сейчас имеется. Люди много читают, музыку слушают, кинокартины разные смотрят, а вот житейской культуры у них нет.

– Почему? – озадачился Андрей.

– Потому что такие люди ничего не могут сделать своими руками. Понимаете… Человек живет в деревне – и дом не может срубить. Топор не может насадить, косу не может отбить, как положено. Да мало ли чего еще… Вот, например, у меня отец всегда сам поросенка резал по осени. Считал позором кого-то со стороны для этого дела приглашать.

– Но я, это самое, резать не могу, – попробовал пояснить Андрей. – И поросята у нас вырастают большие. Страшно подойти…

– Это не важно, – перебила его Тамара Минеевна. – Надо стараться обеспечивать себя самому. Чтобы мясо было свое, молоко свое, яйца… У нас столько земли кругом, столько полей зарастает сорной растительностью, а мы ничего делать не хотим. Все ждем от государства манны небесной…

– Да нет. Мы все сами…

– Вот и правильно.

Тамара Минеевна все говорила и говорила, и то, что она говорила, было чистой правдой, только Андрей почему-то ее не слушал. На ум пришли красивые строки Ахматовой: «Высокие стены костела синей, чем небесная твердь. Прости меня, мальчик веселый, что я принесла тебе смерть».

В общем, после беседы с мудрой женщиной из районной администрации, уличная тишина показалась Андрею праздничной. Он подошел к огромной витрине универмага и посмотрел на свое отражение в темном стекле нижнего этажа. Худой, длиннорукий с вытянутым смуглым лицом и впалыми от вечной усталости глазами. Кожа да кости, как говорит мать. Пожалуй, за такого прощелыгу ни одна француженка выйти замуж не согласиться. Русые волосы спускаются до плеч некрасивыми жирными кудельками, тонкая шея. Он похож на обыкновенного деревенского мужика, который может хорошо работать и много производить. У него большие оттопыренные уши, покатый и низкий лоб. «С кем вы живете? Сколько вам лет»? – повторил он слова Тамары Минеевны тонким до неприличия голоском и, скорчив противную рожу, сплюнул в сердцах на землю…

Дома, едва он переступил через порог, мать ехидно спросила его из-за перегородки в спальную комнату:

– Ну, чего выходил-то, француз?

– Ничего, – буркнул вполголоса Андрей и прошел в переднюю, нагибаясь под низким косяком. А мать из-за перегородки спокойно продолжила:

– Не пускают тебя, дурака, во Францию-то? Вот и правильно! Нечего тебе там делать! Ишь, заговорил чего-то не по-нашему «эпс – пепс». Начитался небось дурнины разной – вот

в башке-то и засвербило. Во Францию он, видите ли, собрался, министр какой. А крыша над чуланами течет. Заборы падают… Чем деньги-то на поездки транжирить, лучше бы рубероиду купил, али шиферу, да уделал крышу-то… И мухи вон кусаются. Другой бы был хороший сын, давно бы уже мухобойку сделал из резины, и перебил бы всех мух, если дихлофосить не хочешь… От дихлофосу, видите ли, у него удушье. Интеллигент какой!

– Мама! – не выдержал Андрей.

– Чего?

– Перестаньте, мама, а то задавлюсь, честное слово.

– Честное слово еще говорит, балбес! Эх ты! Да чем по району-то шастать без цели – женись лучше. Женишься – вот и некогда будет дурнину-то молоть. Детки будут молочко пить, поросяток прикупите ещё парочку. Осенью зарежете их, мясо продадите на базаре – вот тебе и деньги. А то ходишь, как понява… От безделья это у тебя, от безделья, ясное дело! Умные-то люди, вон, дома строят, машины покупают. А ты безграничный какой-то у меня, и урезонить тебя некому. Свободы много вашему брату дали – вот вы и беситесь…

– Эх, мама!

Мать села на табурет и замолчала.

– Уж как вы-то, мама, свою жизнь прожили, я так жить не буду.

– Да куды ты денешься? – уверенно проговорила мать.

– Не буду и все, – упрямо заверил сын.

– Ну женись тогда, а то я скоро не смогу одна по дому управляться.

Важный шаг

– Женюсь, – сказал Андрей матери, когда она в очередной раз завела речь о близкой старости, которая к ней подбирается. Скоро она ничего не сможет делать по дому, а заменить ее некому. Вот была бы у них молодушка – тогда другое дело. Только сын у нее непутевый. Рохля сын – не может ничего.

– Мама! – попытался остановить ее Андрей.

– Что, мама?

– Перестаньте, пожалуйста… Я сказал, что женюсь.

– Да скорей бы уж, – со вздохом произнесла мать и посмотрела на сына по-новому, с лукавинкой во взоре. – Неужели нашел кого? Даже не верится.

– Нашел, – похвалился Андрей смущенно.

– Кого?

– Мне новая повариха в школьной столовой глазки строит. Вчера на обеде вместо одной котлеты на второе положила две… И так – она женщина приличная. Полновата, правда, немного, но это ничего… Зато глаза большие.

– Ну? – снова произнесла мать.

– Что, ну?

– Ты с ней уже поговорил? – переспросила мать.

– Нет еще, но ведь дураку понятно… Чего бы она стала на меня так поглядывать ни с того ни с сего… Две котлеты положила…

– Вот дурак! А я ведь подумала было…

– Что? – переспросил сын.

– Ну, что вы уже сговорились. Что у вас все, как у людей.

– Да вот пойду в следующий раз на смену и поговорю. У меня не заржавеет. Она мне по две котлеты…

– Да уж. Знаю я тебя. Поговоришь ты. Не рыба, ни мясо…

– Мама!

– Что мама?

– Опять вы начинаете выводить меня из себя, – грубо высказал свое возмущение сын. – Говорю же, что познакомлюсь и узнаю все о ней. Чего тебе еще?

– Скорей бы уж, – со вздохом произнесла мать.

– Мама!

– Что?

– Не торопите меня. Я же сказал, по две котлеты дает, смотрит с интересом. Чего еще?

На этот раз Андрей почему-то был уверен, будто все, что он говорит матери – это правда. Как-то само собой получилось. И повариха из школьной столовой не выходила у него из головы. Он еще не знал, как ее зовут, откуда она к ним в село приехала, но почему-то был уверен, что она не такая как все. Что в столовой она работает временно, потому что не нашла пока что место бухгалтера или учителя. Не определилась с постоянным местом жительства. И вообще, возможно, жила она где-нибудь за границей, что отец у нее был немец или француз, а мать русская. Во время перестройки мать этой поварихи (бывало ведь такое) встретила в Москве какого-нибудь инженера из Лондона и полюбила его. Они поженились и уехали жить в Манчестер или Париж… Ну может, конечно, не в сам Париж, а куда-нибудь в пригород Сен Дени. Осели там, но вскоре мать у нее заболела от тоски по родине и умерла. А как в чужой стране жить без матери? Одной. Вот Луиза и приехала обратно к себе на родину… Эта версия судьбы для новой поварихи показалась Андрею наиболее приемлемой, наиболее правдоподобной. Вот завтра он придет к ней в столовую и этак между делом скажет что-нибудь по-фран-

цузски. «Эпс пепс». И если она ему по-французски же ответит – значит он прав. Только для этого ему на всякий случай надо выучить какую-нибудь незамысловатую фразу – простенькое приветствие на французском, или на английском, потому что все французы английский язык тоже хорошо знают.

Ночью после разговора с матерью, Андрею приснился сон, как будто он живет за границей, за высоким деревянным забором с колючей проволокой на верху, и работает в муниципальной котельной кочегаром. Что эта котельная обогревает целый квартал аккуратных двухэтажных домов вместе с ратушей и костелом. И будто ездит он на свою работу из пригорода в центр незнакомого города на большой ярко-синей машине с открытым верхом. И смущает его только одно обстоятельство, что все жители в этом городе почему-то одеты в легкие полосатые костюмы серого цвета, и у каждого на спине номер нарисован. Сто двадцать три, двести сорок восемь – и так далее. Андрей едет по красивому иностранному городу, где на каждом углу розы цветут, и не может понять, почему эти странные иностранцы так примитивно одеваются. Прямо, как заключенные или военнопленные. Такое впечатление, как будто это не просто одежда, а что-то символичное, некий тайный знак.

А на следующий день у Андрея как раз была смена в котельной. Он пришел на работу пораньше, чтобы у сменщика претензий к нему не возникло. Зашел в комнату для кочегаров и увидел, что на деревянных нарах, где Вася Рашпиль всегда отдыхал, кто-то другой спит. И этот спящий был явно не кочегар. Закрылся с головой, дышит ровно, и перегаром от него не пахнет. Через пару минут следом за Андреем в котельную зашел Вася Рашпиль, и сразу приставил палец к своим губам – не шуми, мол, – видишь спит человек. Андрей нерешительно взял Васю за рукав и увлек на улицу.

– Что такое? – спросил. – Кого это там спит? Кого черт принес к нам в котельную?

– Ты не кричи, – ответил Вася. – Чего зря шуметь. Это дочь моя неродная с Украины приехала.

– Когда? – для чего-то спросил Андрей, удивленно хлопая глазами.

– Две недели назад.

– А почему ты раньше о ней не рассказывал? И что она тут делает?

– А чего рассказывать-то. Не родная она мне. Но с матерю ее мы жили долго… Считай, я ее воспитал. Вот она ко мне и привязалась. Отцом меня называла… Мать-то у нее, дура, пока я в тюрьме сидел, третий раз замуж вышла. Лиза моя с новым отчимом не ужилась, вот и прикатила ко мне. Да ты ее уже видел.

– Где это? – удивился Андрей.

– В столовой у нас.

– В столовой? – переспросил он.

– Да. Она временно тут пристроилась. Поварам помогает… Я с директором школы договорился. А так-то она у меня бухгалтер. Техникум на Украине закончила, работала на солидном предприятии… Лизка у меня девка умная… Вот подожди, она проснется, я тебя с ней познакомлю. Хорошая девка. Вчера у меня на смене засиделась и уснула тут. Я ее домой посылал – она не идет. С новой бабой моей у нее ладить не получается. То она бабе что-нибудь грубое скажет, то баба на нее наорет. Знаешь ведь, как бывает.

После этих слов Вася Рашпиль повернулся к Андрею спиной и пошел куда-то в сторону школьного парка, а Андрей так и остался стоять возле двери в котельную с явным недоумением на лице. И постепенно в его голове сформировалась простая и понятная мысль, что, должно быть это судьба – и вчерашний разговор с матерью, и слова Васи Рашпиля, и странный сон – все свидетельствовало о том, что его жизнь может круто измениться. Только ему не надо столбом стоять, как сейчас, надо действовать. Возможно, это его последний шанс.

Через какое-то время, когда в котельную снова вернулся Вася Рашпиль, он обнаружил такую картину. Андрей и Лиза сидели на нарах рядом и о чем-то оживленно беседовали. При

этом Вася сразу заметил, что у обоих возбужденно и радостно блестят глаза, что у Лизы румянец горит во всю щеку, а Андрей стал как-то необычно словоохотлив, скор в жестах, и смотрит на его дочь, как на новогоднюю елку в ожидании чуда. Вася даже говорить ничего не стал, просто улыбнулся в седые усы, повернулся и вышел снова на улицу. Пусть молодые поговорят. Может у них что-то и склеится, сложится чего-нибудь.

А еще через месяц Андрей и Лиза сыграли свадьбу. Был на этой свадьбе и лучший друг Андрея, Коля Лебедев, только до конца торжества он не досидел. Вышел на улицу покурить и пропал. Возможно его местные парни за что-то отметелили, а возможно он в пьяном виде решил идти во Францию пешком, как обещал. Кто его знает.

Грибовница

Однажды возвращаясь с работы погожим июльским днем, тесть Андрея, слесарь и школьный кочегар Вася Рашпиль набрел на грибы. Грибы праздно росли по краю продолговатого оврага, возле колхозной рощицы, где были разбросаны клочки сухой соломы и солнечные пятна. На вид грибы напоминали шампиньоны. Примерно такие же раньше собирала его мать и по-деревенски называла их лужайниками.

Вася присел возле грибов, срезал один, повертел в руке. Ну, точно – лужайники это, чего еще. Раскрыл свою хозяйственную сумку из шершавой черной кирзы, и набил ее грибами до самого верха. Благо, что грибов было так много, что глаза разбегались. Придя домой, отдохнул немного на диване, сходил за хлебом в магазин и стал варить грибовницу. И такой от нее пошел вкусный запах, такой аппетитный, что Вася не выдержал – пригласил на ужин свою сестру Татьяну, а та, в свою очередь, позвала Тамару – стареющую Васину сожительницу, сильно располневшую за последнее время.

Тамара с Татьяной были бабы дородные, до всякой еды охочие, поэтому пришли тут же. Как водится, выпили водочки по сто граммов, грибовницы со сметаной выхлебали по две тарелки, а уж разговоров завели, что называется, до полуночи. Вообще-то Вася рассчитывал, что сестра после ужина уйдет – оставит их с Тамарой наедине, но не дождался, сам задремал, сидя. Потом спохватился, вышел на улицу покурить, постоял там под звездным небом, поежился от вечерней прохлады, и вернулся домой с зарядом бодрости. Дома прилег на диван перед телевизором. Решил переждать, пока бабы вдоволь наговорятся, полежал, поворочался немного и незаметно уснул.

Средь ночи Васе неожиданно стало плохо. Закололо что-то в правом боку, в голове зашумело, и к горлу подступила тошнота. Вася с испугу решил, что отравился грибами. Опрометью кинулся во двор, упал там на колени и сунул два пальца в рот. Запруду прорвало… После этого Васе, кажется, стало легче. Он вернулся в дом, умылся, выпил литровую банку парного козьего молока на всякий случай, чтобы яд разогнало. Посидел перед ночным окном в сад, подышал чистым воздухом и пришел в себя. Потом подумал: хорошо, что его приёмная дочь Лиза, вовремя замуж вышла, не живет теперь с ним, а то бы и ее отравил, старый дурень.

Успокоенный уже, сходил плеснул вчерашней грибовницы сонной собаке. Та ласково и благодарно замахала хвостом. Погладил ее по голове. Преданная псина, хорошая. И направился обратно в дом. В дремотном состоянии походил по дому туда-сюда, потом залез на полати, повздыхал там немного в раздумьях о Тамаре. Придумал было сходить до нее, постучать в окошко, спросить о здоровье, намекнуть о своих желаниях, но решил, что ночью как-то неудобно. Спит человек. Да и ему самому тоже давно пора спать.

Утром Вася проснулся от звонкого стука ложек по тарелкам. Торопливо отдернул ситцевую занавеску на печи, взглянул в кухню, что там происходит? И немало удивился. Это, оказывается, его вчерашние гости пришли грибовницу доедать. Обе женщины ели грибовницу и хвалили. Да при этом еще весело беседовали о чем-то своем. Обе румяные, полные, увесистые. Не бабы, а кряжи. Вася посмотрел на них с недоумением и решил, что грибовница, должно быть, хорошая была, и водка в порядке – просто желудок у него стал никудышный. В пятьдесят-то лет, пожалуй, всего можно ожидать, после такой буйной жизни. Может и болезнь какая подкралась уже, кто его знает. В больнице он редкий гость. Давно уже в больнице не показывался.

Кряхтя слез с полатей, поздоровался с бабами, спросил у них о здоровье. Они ответили, что чувствуют себя прекрасно. Вася успокоился и вышел на улицу покурить, подальше от этой проклятой грибовницы. А на улице летом, как в раю. Птицы поют, узорная зелень лезет в каж-

дую щель, за сараями сосновый лес возвышается синеватой тучей. И в ясном небе разлита какая-то медовая желтизна – медленная, манящая.

Вася постоял немного в сонной задумчивости посреди двора, потом на всякий случай Тузика позвал из конуры. Как он там после грибовницы-то? Тузик не отозвался. Вася подошел к собачьей будке, дернул за цепь. Ни звука… Присел перед конурой на колени, с опаской дотронулся до псины, и… судорожно отдернул руку. Холодная уже псина-то. «Как же так, – подумал ошалело, – я отравился, собака сдохла, а бабам ничего не сделалось»? Выпрямился, как ошпаренный и побежал в избу. Бежал и кричал на во всю глотку:

– Бабы, бабы, погодите, не ешьте грибовницу-то! Собака от нее сдохла, меня вырвало вчера… Не ешьте грибовницу, бабы! Кабы ладно было…

Забежал домой возбужденный и остановился на пороге… Что такое? Бабы сидят, как сидели, и на его крик не обратили никакого внимания. Потом удивленно переглянулись, как бы говоря, о чем это Вася им толкует?

– Не сырое ведь едим – вареное, – первой оправдалась Татьяна.

– Верно что. Не пугай давай, – поддержала ее Тамара, и принялась хлебать снова, как будто ничего не произошло.

Вася посмотрел на баб ошалело и как-то запоздало решил: «А ведь и правда, не бабы – кряжи. Разве таких грибками-то свалишь».

– Да уж мы и съели все, – с улыбкой доложила Тамара, лениво прихлопнув на полной руке жиденького комара, похожего на семечко одуванчика.

– Ну сдохнем – так сдохнем! Наплевать, – поддержала ее Татьяна.

Сто двадцать три

Одному Андрею в котельной скучно, особенно по ночам. Пока по телевизору кинофильмы идут – еще ничего, а когда начнутся разные аналитические программы – Андрей не знает, куда себя деть. Сходит, подбросит в топку угля – и сидит на нарах, булычеет. И не спит и не бодрствует – так, на какой-то невидимой грани. Вот, наверное, от этого и грустно. Если бы он умел сети вязать или метлы делать, как Максим Петрович – уйму денег можно бы заработать от безделья. Но никто вовремя не научил – нужды не было. Андрею уже тридцать пять, жена есть, дети. Жизнь, можно сказать, к старости загибается, а определенности в душе нет. Он только и умеет, что плохие стихи писать, которые нигде не печатают.

Водяные насосы в котельной гудят однотонно, свет матовый от пыли на лампочках, скучно одному в котельной, и книгу на этот раз он забыл на работу прихватить. Жена в последний момент все планы спутала. Закричала неожиданно и сердито, когда он уже уходить собрался:

– Опять отправляешься в свою кочегарку. А воду домой кто будет таскать? Я, что ли?

Андрей схватил поскорее ведра с лавки, стал воду из колодца носить, то да се, засуетился, заспешил – вот и забыл про книгу. Обычно на смене он читает что-нибудь веселое и несерьезное, потому что в его жизни и без книг грустных мыслей хватает. А ночь, если не читать, длинная. Время в ночи медленно тянется, как темный кипрейный мед, когда его из ведер во фляги переливают. Вроде бы и вздремнуть можно, но почему-то не спится. Афанасий, сменщик его, спит по ночам почем зря, один раз даже котел потушил, а Андрей на смене уснуть не может. Однажды, правда, было – уснул, а директор школы в это время возьми да позвони. Телефон стоит на подоконнике рядом с нарами. Андрей спросонья так перепугался от громкого звука, что первое время ничего понять не мог.

– Алло, это котельная? Алло! – кричал в трубку директор. – Вы что, проснуться не можете?

– Да! – как обычно ответил Андрей, и тут только понял, что получилось двусмысленно.

– Значит, не отрицаете?

– Алло!

– Ну, смотрите, если завтра в школе будет холодно – пеняйте на себя!

И бросил трубку. Вот какая вредная натура у человека. И что за привычка такая – по ночам в котельную звонить, когда трубы в школе, как кипяток. После этого случая Андрей на смене уснуть не может – лежит на нарах и думает. И думы у него в это время какие-то однообразные, как гудение водяных насосов. Он думает о смерти, о страшных болезнях, которые подкрадываются к человеку исподтишка. О том, как дров из лесу привезти, сено с лугов. Кажется, только к утру ему легче становится. А до утра-то еще ох как далеко. Андрей смотрит на часы. Далеко до утра…

И тут как-то совершенно неожиданно его внимание привлек телефон. Андрей решил, что телефон, пожалуй, может помочь ему скоротать однообразное время. Как же он раньше об этом не догадался. Правда, телефонного справочника в котельной нет, и ни одного знакомого номера он не помнит. Но ведь можно и наугад. Андрей подумал немного, снял с телефонного аппарата трубку и набрал необычный на первый взгляд номер: один, два, три.

– Алло!

– Да! – ответил в трубке женский голос, и Андрея это очень удивило. Как все просто. Признаться, он думал, что его обругают и пошлют к чертовой бабушке. Ведь на часах уже далеко за полночь.

– Это Пентюхино? – игривым тоном спросил он.

– Да, – снова повторил в трубке приятный женский голос.

– А… это кто?

– Женщина.

– Я понял, что женщина. Как вас звать?

– Антонина.

После этого в разговоре наступила пауза. Потом женщина вздохнула и спросила:

– А вам что, скучно? Не с кем больше поговорить?

– Вообще-то да…

– Мне тоже невесело, – отозвалась Антонина.

– Странно, – проговорил Андрей, испытывая некоторое замешательство, и не зная толком, продолжать ему этот разговор или прекратить, пока не нашлась общая тема.

– А что тут странного? – спросила женщина.

– Я думал, так не бывает, – признался он.

– Я одна живу… Придешь с работы домой, и целый вечер не знаешь, куда себя деть.

– А дети? У вас разве нет детей?

– Есть, но мой ребенок еще совсем маленький. Он уже спит.

– Ну, извините, что побеспокоил.

– Да что вы… Вот поговорила с вами и легче стало на душе.

– А кто вы? – наконец осмелился задать главный вопрос Андрей.

– Я санитаркой работаю в местном детдоме.

– А-а-а-а, – разочарованно протянул Андрей, – понял.

– У меня муж в тюрьме третий год.

– Пишет? – чтобы не прерывать разговора спросил Андрей.

– Он пишет, я не пишу.

– А что?

– Пил много. Руки распускал.

– А-а-а…

– Он пьяный нехороший был, то подерется с кем-нибудь, то ко мне пристает. Сейчас вот отдыхаю без него. Одна.

– Да, дела!

– А вы откуда звоните?

– Из котельной. Я кочегаром работаю в школе. Может, знаете Андрея Голенищина? Мои стихи однажды в районной газете напечатали… Потом был скандал.

– Почему? – заинтересовалась Антонина.

– Начальник пристани приходил разбираться. Ему показалось, что я в своих стихах его оклеветал.

– Я первый год в Пентюхино живу. Мало кого знаю… Извините.

– А я почти всех.

После этих слов в разговоре снова наступила пауза, но она продлилась недолго. На другом конце провода женщина спросила:

– У вас, должно быть, в котельной холодно?

– Нет, почему холодно? Тепло. Я вот уже вздремнул немного тут, потом книгу почитал, радио послушал. А потом думаю, дай кому-нибудь позвоню.

– Ну-ну. Понятно.

– А вы чем занимались, если не секрет? – спросил Андрей.

– Я отдыхать собралась. Можно сказать, вы меня с постели подняли.

– Ну, извините тогда. Хотя, знаете… – Он хотел сказать что-то еще, но она положила трубку.

Андрей облегченно вздохнул. Так-то оно даже лучше. Меньше думается, а то, не дай Бог, выйдет чего-нибудь серьезное – потом переживай. Так-то оно спокойнее, когда нет лишних

проблем. И пусть жена у него не писаная красавица – у нее тоже все на месте. Да и с незнакомым мужиком жена – вот так вот средь ночи болтать не будет. Нет. Скучно ей, видите ли, муж у нее в тюрьме… И все же в душе Андрея засела легкая досада. Можно бы, кажется, еще поговорить. А чего? Делать-то ему все равно нечего, и сонливость как рукой сняло. Голова посветлела от нелепых мечтаний. Андрей посидел ещё немного на нарах, потом пошел подкинул в топку уголька, посмотрел на термометр возле котла, и вышел на улицу освежиться. Темно на улице, прохладно и дышится легко. Так бы, кажется, и стоял под звездами до утра, дожидаясь первой красной полоски на востоке. И звезды на небе в эту пору горят таинственно, из вечности горят, из беспредельности, из темной космической бездны.

Вот, кажется, и успокоился. Да, о чем, собственно, ему переживать? Подумаешь, чужая баба трубку бросила. Хотя, может, она еще чего-то хотела сказать, да он сам спутал ее планы своими извинениями. Вот зайдет сейчас обратно в котельную да позвонит ей снова. А чего ему стесняться-то? Он никому ничего не должен, не обязан.

Один, два, три.

– Алло.

– Это вы?

– Да я опять.

– Вам все еще грустно? – как-то совсем по-дружески спросила женщина на другом конце провода.

– Да, не весело что-то.

– Мой муж тоже по кочегаркам любил шастать.

– Вы из-за этого положили трубку?

– Да, наверное…

– А дочка ваша спит?

– Сын у меня.

– Тогда поговорите со мной.

– Я говорю.

– Расскажите что-нибудь о себе.

– Да что я могу рассказать? У меня в жизни ничего интересного не было. И живу я незаметно, как все. Работаю, да ухаживаю за сыном.

– А для души…

– Что?

– Для души у вас что-нибудь есть? – спросил Андрей.

– Нет, наверное. Я особо ничем не увлекаюсь.

– А я стихи пишу, – признался Андрей с неким внутренним превосходством.

– Ну, тогда почитайте, – без особого энтузиазма предложила женщина.

– А удобно?

– Читайте, я послушаю.

Андрей немного помолчал, потом начал читать нараспев, как это делают настоящие поэты по телевизору.

Флаги с маками одного цвета,
Это весны первомайской примета.
В небе кричащая стая грачей,
В темном овраге искрится ручей.
Солнце на маковке, тень от креста.
Ночью я видел страданья Христа.
Пасха святая приходит на Русь,
Встречу ее и от счастья напьюсь.

– Ну как? – спросил Андрей после чтения.

– Вроде бы ничего.

– А я сейчас на улицу выходил, – начал он воодушевленно. – Там звезды так ярко горят, так пронзительно, что душа разрывается на части. Глядя на них, мне тоже хочется красиво жить. Но не выходит, не получается… Сдвинуться с места не могу. Сделать первый шаг. Найти другую работу… Дети, наверное, когда-нибудь будут меня жалеть. Будут считать меня неудачником, недотепой. Не поймут.

– Странно…

– Что странно? – насторожился Андрей.

– Я иногда думаю точно так же, – призналась Антонина. – Наверное, все люди одинаковые. Вы не замечали?

– Не знаю, только мне теперь всю ночь не спать.

– А мне завтра на работу, – ответила она со вздохом.

– А я бы… я бы с удовольствием выпил чашечку кофе, – вдруг предложил он, запоздало ловя себя на мысли, что вовсе не хотел произносить этой фразы.

– Это намек?

– Скажите ваш адрес, – недвусмысленно продолжил он.

– Вы же абориген. Вы всех знаете.

– Нет. В последнее время Пентюхино так выросло. Так много народу сюда понаехало, что всех не запомнишь.

В это время она снова положила трубку. Только на этот раз Андрей переживать не стал. В его представлении, он поступил именно так, как должен был поступить настоящий мужчина. Довел дело до конца. Дураку должно быть ясно, что просто так по ночам с чужими бабами никто не разговаривает. Этак всю ночь можно ходить вокруг да около, а он «бухнул» напрямик – да и дело с концом… Сейчас можно отдохнуть. Он свое дело сделал. Чего еще нужно? Андрей собрал по шкафам старые фуфайки сменщиков, постелил их на нары вместо матраса, и лег отдохнуть с чувством исполненного долга. Вот так вот он умеет «малину-то» рубить… Хотя, ну их всех, баб этих! Спать надо. За всю зиму хотя бы раз один выспаться на рабочем месте.

И тут зазвонил телефон.

Андрею на этот раз показалось, что звонок у телефона какой-то подозрительно нерешительный, можно сказать, нежный. Андрей порывисто снял трубку, предчувствуя уже что-то необыкновенное, но проговорил как обычно:

– Алло!

– Это я, – тихо отозвалась Антонина на том конце провода.

– Я слушаю вас.

– Сейчас, сейчас… не…

– Что?

– Не торопите меня, пожалуйста.

– Конечно, – согласился Андрей, улыбаясь, как победитель, – я не тороплю.

– Я заварила кофе… Вы… просили.

– Кофе?

– Ну, я заварила кофе, а вы говорили, что вам скучно одному…

– Понимаю… ах… да, я понимаю. Да…

– Набережная, двенадцать, – шепотом произнесла она свой адрес.

– Иду, иду!

И Андрей поскорее положил трубку, боясь, что она передумает в самый последний момент или, чего доброго, поставит ему какое-нибудь условие. От предвкушения чего-то

нового, что произойдет с ним уже через какие-нибудь полчаса, Андрей стал часто дышать, и ощутил горячее, сковывающее напряжение во всем теле. «Черт возьми, неужели все так просто»? – подумалось ему, а он ей о звездном небе рассказывал, стихи читал. И, вообще, кто она такая? Набережная, двенадцать, Набережная, двенадцать…

Андрей сел на нары, зажал подбородок в кулак, задумался. И тут, наконец, вспомнил. В этом доме живет высокая худая женщина лет тридцати пяти с крупными чертами лица и большими печальными глазами. У нее прямо на переносице красное родимое пятно. И к этой бабе он сейчас побежит, бросив все? А зачем? Чтобы сменить шило на мыло. А какой в этом резон? Резон-то какой? Да у него жена много лучше. И фигура у Лизы такая, что чужие мужики порой заглядываются, и лицо у жены румяное всегда. Глаза синие, большие, глубокие. Да если бы эта, другая, с которой он только что по телефону познакомился, чем-нибудь лучше была – тогда другое дело. А так…

Один, два, три.

– Алло!

– Это я опять.

– Я вас слушаю. Что случилось?

– Это самое, сорвалось у нас с тобой, – заметно волнуясь, проговорил Андрей. – Директор школы прибегал тут, отругал меня, как следует. Сказал, что в школе холодно и все такое. Теперь никуда из котельной не отлучишься, сама понимаешь!

– Угу, – растерянно произнесла женщина на другом конце провода.

Андрей осторожно положил трубку и почесал затылок. Так-то оно лучше, так-то оно спокойнее. К чему ему лишние переживания. Ему и так хорошо.

На смене

Утром двадцать седьмого октября 1991 года Андрей Иванович Голенищин был на своем рабочем месте в школьной котельной. Как обычно, сидел на нарах, прислонившись спиной к трубе водяного отопления, отхлебывал из алюминиевой кружки остывающий чай и сонно думал о жизни. Он думал о том, что его жизнь не сложилась, можно сказать, не удалась. В юности он часто влюблялся, много переживал из-за красивых девочек, которые не обращали на него внимания, а женился как-то случайно на дочери Васи Рашпиля, Лизе. Так жизнь распорядилась. В юности мечтал побывать за границей, но никуда дальше областного центра не ездил. Писал стихи, но никто его увлечение толком не оценил.

Андрей не спеша встал с нар, поставил пустую кружку на стол, размял уставшие от долгого сидения ноги, и направился к котлу подкинуть в топку угля. Как только открыл дверь в моторный отсек, отделенный от небольшой коморки для кочегаров тонкой кирпичной стеной, так сразу ему в нос ударил запах копоти, по ушам резанул громкий вибрирующий шум работающего насоса. «Должно быть, набивку выдавило из сальника», – подумал Андрей, постоял немного возле работающего насоса, понаблюдал – не бьет ли крыльчатку. Решил, что не бьет, и струйка воды из-под сальника пока что небольшая. За его смену не должно ничего случиться, а если редуктор разобьет, то Андрей в этом не виноват. Он давно директора школы предупреждал, что надо сантехника вызывать. Сам Андрей не слесарь, да и не платят ему за это. К тому же ему надо смерзшийся уголь надо долбить, возить его с улицы на ручной тележке, топку чистить, за температурой следить, чтобы не падала. Воздушные пробки из системы спускать, воду закачивать в расширитель. На все это времени еле-еле хватит. Да и вообще, у него, как у кочегара, свои обязанности, у слесаря – свои.

Андрей подошел к котлу, приподнял задвижку, подбросил в топку угля и включил поддувало. Громко сработало реле в железном ящике под самым потолком, гулко завыл вентилятор. Андрей постоял немного у котла, глядя на красную полоску термометра, потом выключил поддувало и медленно направился обратно в комнату для кочегаров. Там он разместился на нарах, расслабился, стал было задремывать, но в это время к нему притащился школьный завхоз Николай Николаевич Онучин. Завхоз сел на стул перед телевизором и заговорил:

– Посмотри-ка, сейчас кочегары не хуже директоров живут. Тут и телевизор у них, и стол, и кровать. Газету можно почитать, кино посмотреть, полежать, если нужно. Устроились, как дома, едрена корень.

Андрей равнодушно посмотрел на завхоза, подумал: на что он намекает? Потом перевел взгляд на красивую трость Николая Николаевича, на его новый протез вместо правой ноги, на седую голову и для чего-то сказал:

– Сегодня всю ночь семьдесят градусов держал. В школе должно быть париться можно. Ни разу глаз не сомкнул за всю смену, не как некоторые.

Пространный намек «как некоторые», относился к Афанасию. Афанасий на смене всегда вяжет сети, к утру устает, засыпает и не замечает, когда остывает котел. А, спохватившись, начинает его растоплять чем попало, рубит топором старые тракторные покрышки, тащит в котельную дрова, щепу, доски.

– И насос опять загудел, – продолжил Андрей. – Я не очень-то в этом разбираюсь, но, по-моему, набивку выдавило из сальника. Надо бы вызвать Васю Рашпиля. Пусть починит.

Сейчас уже Николаю Николаевичу пришлось отвести глаза в сторону и наморщить лоб.

– Некогда мне сегодня за Рашпилем гоняться. Может, смену еще провертится насос-то?

– Не знаю, не знаю, – ответил Андрей. – Может провертится, а может и нет.

– Ну, выключить тогда часа на два всю систему, да после обеда посмотреть… Сам, поди, и посмотришь.

В голосе Николая Николаевича появились заискивающие нотки. Когда он о чем-либо просил – он всегда говорил именно таким тоном. Тоном старого приятеля, которому позарез нужна помощь.

– Не буду я смотреть, – резко отказался Андрей. И ему показалось, что своим отказом он обидел Николая Николаевича. Отказывать инвалиду для Андрея всегда было неприятно. Но, что тут поделаешь. Один раз возьмешься за чужое дело – потом начальники сядут на шею. Не отвертишься.

– Я ничего в электромоторах не понимаю, – смягчил удар Андрей. – Сделаю что-нибудь не так – меня током шарахнет, а отвечать вам. Кому это нужно?

– Пожалуй, что так, – согласился завхоз после недолгой паузы, старясь не смотреть Андрею в глаза, потому что не ожидал от него такого стремительного отказа. Собственно говоря, теперь можно было уходить, но, не сказав больше ничего, уйти тоже было как-то неловко. Николай Николаевич еще немного помолчал и добавил:

– Грязновато у вас тут. Пыль везде. Надо бы в конце сезона промыть стены и побелить, чтобы было, как у людей.

– Промоем, – согласился Андрей.

– И побелить…

– Побелим, если заплатите как положено, – продолжил Андрей.

Николай Николаевич, видя, что разговор окончен, поднялся со стула и, прихрамывая, направился к выходу. Поле его ухода Андрей почувствовал себя свободнее. Как будто камень свалился с души. Сейчас можно полежать на нарах, обдумывая свою жизнь, которая у него довольно однотонная. Зато в его душе всегда живет мягкая и теплая любовь. Любовь к Богу, к женщинам, ко всему живому на земле. Вот, например, Андрей очень любит море, хотя никогда у моря не был. Но, между тем, эта заочная любовь очень важна для него. Она окрыляет в минуты одиночества. И как вообще можно не любить море, над которым каждое утро встает солнце. Как можно не любить призывный шум морских волн, крики чаек, запах морских водорослей. Если бы у Андрея было много денег, он обязательно поехал бы к морю, а там непременно встретил бы какую-нибудь молодую женщину, о которой мечтал всю жизнь… Хотя сейчас жена у него есть. Это правда. Жена женщина хорошая, но настоящему мужчине всегда хочется чего-то еще. А красивые женщины у моря, скорее всего, тоже думают о романтической любви, потому что море ни к чему иному не располагает. Солнечный свет переполняет молодые женские тела чувственной энергией, вот женщины и освобождаются от этой энергии по ночам с молодыми любовниками.

Мечты, мечты… Когда нет лишних денег, Андрею остается только мечтать. Он мечтал когда-то побывать во Франции, а сейчас стал мечтать о море.

Но в реальной жизни у Андрея совсем нет отдыха – сплошная работа. И работает Андрей всегда так, как будто приносит себя в жертву – без удовольствия, но с явным осознанием безвыходности того положения, в котором он находится. И порой ему кажется, что делает он не свое дело, ведь внутри у него всегда жило упрямое ощущение, что он может быть успешным предпринимателем или хорошим поэтом. У него душа не обычного трудяги, а чувствительного ко всем проявлениям жизни творца. Душа романтика. Только этого почему-то никто не видит, никто замечает.

Порой даже молодая жена Лиза в этом смысле его не удовлетворяет. Не понимает его ладом. Она все чаще кажется Андрею человеком ограниченным и излишне простым, как большинство женщин, с которыми когда-либо он встречался. Ее увлеченность едой и тряпками в ущерб всему остальному Андрея раздражает. Женщины вообще народ странный. Серьезные рассуждения о жизни повергают их в уныние. Живя черт знает где и питаясь черт знает как, они стараются выглядеть королевами, и очень переживают если это у них не получается, не выходит. Если средства им этого не позволяют.

Кажется, Андрей любит свою жену, ценит ее преданность, но это не мешает ему заглядываться на других женщин. Иногда ему кажется, что его беспредельная любовь вся израсходовалась за первые два года их совместной жизни с Лизой. Из этой любви в животе у Лизы вырос первый ребенок, и в положенный срок появился на свет. Ему подарили имя – Степан. Он стал веселым и упитанным маленьким человечком. Жил рядом с родителями, ел, спал, не поражая их ни большими способностями, ни изощренными проказами. Но Лиза стала заботиться о Степане больше, чем об Андрее. Особенно это было заметно в те моменты, когда жена брала сына на руки. Ее лицо в это время так и светилось счастьем. Это было совсем не то лицо, которое Андрей видел перед собой каждое утро, когда просыпался. Она никогда сейчас не целовала его с таким лицом, и не говорила с ним таким тоном.

В дверь постучали. Андрей на всякий случай соскочил с нар, подошел к двери и толкнул ее всей пятерней. Дверь со скрипом отворилась, и в нее как-то боком прошел Вася Рашпиль – седой лохматый мужик в застиранной спецовке и больших болотных сапогах.

– Привет, зятек! – поздоровался Вася.

– Привет, – откликнулся Андрей.

– Опять что-то случилось? – осведомился Вася, глядя в сторону.

– Да набивку из сальника выдавило. Завхоз хотел тебя искать, но потом раздумал.

– Я видел его.

– Ну и что?

– Зашел вот поглядеть. Если много работы – то сегодня приниматься за насос я не буду. В три часа свежее пиво должны привести. Надо будет идти пить. Я без пива сейчас не могу… Ты пиво не пьешь – тебе лучше.

– У меня от него в животе крутит, – признался Андрей.

– Мало пьешь, вот и крутит…

– Может быть.

– Вот немного еще посижу у тебя тут, – продолжил Вася. – Побеседую с тобой, а потом двигатель посмотрю… Хотя можно и не смотреть, все равно сегодня я его ремонтировать не буду.

– Кажется, набивку выдавило из сальника, – снова вставил Андрей.

– Набивку? – переспросил Вася.

– Да.

– Это значит надо кожух отсоединять – четыре болта, потом крыльчатку снимать – тоже четыре. Потом резинки из муфты выколачивать, потом забивать обратно эти самые резинки, кожух центровать… Нет, это длинная история. Я сегодня приниматься не буду. И смотреть не буду. Все равно после обеда надо идти пиво пить.

– Неужели пиво так манит? – переспросил Андрей.

– Я к пиву привык. С пива я быстро пьянею, а в пьяном виде становлюсь счастливым… Это не болезнь, это убежденность такая у меня. Я втемяшил себе в башку, что могу быть счастливым только после нескольких кружек хорошего пива, и сейчас на этом стою. Мне стать трезвенником – значит переменить образ жизни. Остаться без друзей, без знакомых – совсем одному… Ты не пил ладом, ты этого не понимаешь. А бабы, те вообще представить не могут, что это такое. Для них пьяный человек – это враг. А он, этот враг, когда слегка навеселе, их всех любит, и ее дуру – тоже. Она ему ангелом кажется… Моя первая жена тоже этого не понимала, вот и разбежались.

– Да…, – протянул Андрей сочувственно.

– А я ее до сих пор люблю. Вот люблю и все. Вспоминаю ее, как ходила, как глядела, какие слова говорила мне. Больше так никто не скажет, честное слово.

– Да. Понимаю.

– Жену обижать нельзя, Андрей, поверь мне. Какая ни есть, а жена. Ты ее изучил, она тебя изучила. Привыкли друг к другу, притерлись. Вот и живите. Можно и без большой любви жить, если друг друга хорошо понимать.

– Лиза меня понимает.

– Вот и хорошо. Вот и живите. Одному мужику не прожить, у одинокого мужика даже вид теряется. Он на обезьяну становится похож.

Вася умолк, сонными глазами посмотрел на Андрея и вздохнул. Андрей понял, что он, пожалуй, тоже похож на обезьяну. Оброс, не брился давно.

– Пойду пиво пить, – продолжил Вася. – А ты скажи Онучину, что Вася приходил, глядел мотор-то, обещал завтра наладить. Надо кожух снимать – четыре болта и муфту переколачивать – тоже четыре, а то бы сегодня сделал. Так и скажи… Крыльчатку не бьет пока – и ладно. Много воды не вытечет за сутки-то. Вечером накачаешь побольше в расширитель – вот и все дела.

И Вася Рашпиль удалился, шаркая подошвами сапог о темный пол котельной. Немного погодя, Андрей вышел следом за ним, заглянул в топку, пошевелил кочергой раскаленный до бела шлак. Решил подбросить в котел немного угля, потом включил поддувало. Громко сработало реле в железном ящике над окном, нудно завыл вентилятор. Пока работал вентилятор, Андрей смотрел через окно на зимнюю улицу, на белесый тополь под окном, на темную одинокую ворону, неподвижно сидящую на соседнем заборе. И тут вдруг его поразила неожиданно возникшая мысль: неужели это все, что подарила ему жизнь? Приди сюда завтра – и увидишь то же самое. Белый снег, темный забор и ворону. И Андрей снова остро почувствовал свое внутреннее несоответствие той роли, которую вынужден сейчас играть. Хотя, вполне возможно, что каждый человек в какой-то момент чувствует то же самое. Глаза просят яркого света и чистоты, а взгляд упирается в какую-то серость. Ум просит радости и тепла, а судьба преподносит сумрак и холод. И от чего это так – не поймешь. Пыльное окно, темный забор, ворона. Вот так и будет сейчас идти его жизнь – от окна к окну, от двери к двери, от одного разочарования к другому.

Учитель

– На хамство надо уметь реагировать, – учил Андрея опытный кочегар Павел Васильевич Горелов в школьной котельной, сидя на скрипучем стуле возле самодельного стола из половых досок.

– Как реагировать? – переспросил Андрей.

– Вот, например, тебе грубое слово сказали…

– И что?

– Ты должен обидчику в рожу дать.

– Почему? – удивился Андрей.

– Чтобы обозначить свое возмущение. На все надо уметь реагировать. В этом и заключается настоящая свобода.

Павел жил на окраине Пентюхина в деревянном бараке, носил густые рыжие усы, пятнистый темно-зеленый ватник и огромные кирзовые сапоги. Он уверял Андрея, что всем в этой жизни доволен. Все у него есть, потому что он умеет жить скромно. А если что не по нему, если что не так – он в рожу может дать. У него в этом смысле «долго не горит».

– Я никому спуску не даю, – хвастался он. – Не так давно даже директора школы отругал, как следует.

– За что? – не понял Андрей.

– За дело. Я ему несколько раз напомнил, что набивку в насосе пора заменить. Через сальник вода протекает. А он – ноль внимания… Волков бояться – в лес не ходить! Пришлось поставить человека на место. Высказать ему все. Пусть радуется, что я ему зуб не выбил…

– Ну, ты даешь!

– И с женой своей я так же обращаюсь, – заверил Павел. – Если чего не по мне, я могу и жену на место поставить.

– Ее-то ты, надеюсь, не бьешь?

– Нет. На нее мне достаточно грозно посмотреть – она сразу все понимает.

Павел сделал нижнюю губу коромыслом и слегка приподнял вверх указательный палец, многозначительно глядя на Андрея. Потом улыбнулся и продолжил:

– В наше время иначе нельзя! Съедят! Я, когда вздымщиком работал в Малмыжском леспромхозе, у нас мастер был мужик один по фамилии Закирзянов. Хитрый дядька, я тебе скажу. Мы всей бригадой пахали, как проклятые, добывали живицу, а он у нас почему-то бригадиром числился… Прохиндей! Ну, я взял да и вывел его на чистую воду. Съездил в бухгалтерию леспромхоза и наряды поднял. Казалось бы, что такого? Обычное дело. Только до меня никто почему-то этого не сделал. Вот так… Потом мы этому липовому бригадиру для порядка рожу-то начистили.

Павел закурил, откинулся на спинку стула и задумался. Через какое-то время оживился и нравоучительным тоном добавил:

– Скромность не украшает.

– Понятное дело, – согласился Андрей. И тут же вспомнил из детства один странный случай.

Классе в пятом, а может быть в шестом, ему очень нравилась одна девочка. Ничего в ней не было такого особо привлекательного, если не принимать во внимание то обстоятельство, что она уже тогда обладала прекрасной фигурой. То есть все у нее было на месте, как у настоящей взрослой женщины: и груди, и бедра, и попка. По этой причине на школьных вечерах Андрей ее избегал, даже в глаза старался не смотреть. Стеснялся. Он был тогда излишне высок, худ и не уверен в себе. Ему казалось, что он хуже всех. Цвет лица у него был болезненный, голос тонкий. Гадкий утенок – одним словом. И вот однажды Андрея вызвали к доске прочи-

тать стихотворение, которое нужно было выучить наизусть. Он прекрасно его знал, потому что до сих пор помнит. Он уверенно вышел к доске, начал декламировать стихотворение, слегка помахивая левой рукой, как это делают настоящие поэты, – и тут вдруг увидел ее глаза. Она смотрела на него совсем не так, как раньше. Не так, как смотрели на Андрея все остальные девочки в классе. В ее глазах была загадка, а еще там была явная заинтересованность его персоной. Это ошарашило Андрея, как раскат грома, и он тут же забыл все, что хотел сказать. Он стоял у доски и молчал.

– Ну, что же ты, Андрей, стихи толком не выучил, а отвечать идешь? – пожурила его молодая учительница литературы. Немного помолчала и добавила:

– На всякий случай я поставлю тебе два. Когда выучишь – исправишь.

После этого случая он всеми силами стал сопротивляться любой внезапной влюбленности, которая то и дело одолевала его в юные годы… И ему это, кажется, удалось. Он кое – как закончил школу. Потом поступил в лесной техникум, потом кое-что стал записывать, сочинять. И все это благодаря тому, что он отгородился от женской половины человечества стеной равнодушия. Так ему было легче, так было удобнее.

– Сейчас такое время, когда всего нужно самому добиваться, – между тем продолжил Павел нравоучительным тоном. – Просто так ничего не получишь. Все с боем приходится брать… Ты ведь знаешь, что я отработал вздымщиком пятнадцать лет. Вот… Хотел в пятьдесят пять на пенсию выйти.

– Ну?

– И ничего у меня не получилось.

– Почему? – заинтересовался Андрей.

– Какая-то запись в трудовой книжке этим паразитам в Пенсионном Фонде не понравилась. Запятая где-то не там поставлена была, видите ли, или организация сменила название. Я толком сейчас не помню… Мне люди советовали в суд подать, чтобы с этим делом по закону разобраться, а я не стал. Дождался эту тварь из Пенсионного Фонда на улице вечерком и настучал ей по башке, как следует. Она потом в полицию нажаловалась, дура. Меня скрутили и упрятали на пятнадцать суток в кутузку.

– Ну и ну! Это же черт знает что!

– Ничего особенного, – громко ответил Павел. – Зато я никому спуску не дал. Мне до пенсии-то осталось три года уже. Как-нибудь доработаю. Сила еще есть.

Павел красноречиво посмотрел на Андрея и скептически покачал головой.

– Бюрократия – это стена! Ее не переплюнешь, не перешибешь… Законы сейчас каждый день меняются. Сегодня дают пенсию в шестьдесят – завтра – не будут. Год прошел – уже страна другая. А с государственной машиной мне воевать не с руки. К тому же зарплату полиции повысили, военным – тоже… Это не с проста. Наша власть народа боится. Видимо ничего страшнее народного гнева для них нет.

– Пожалуй, – откликнулся Андрей со вздохом.

В этом деле он не мог с Павлом не согласиться. Тут он прав на сто процентов… Андрей вспомнил, как на однажды дискотеке окружила его толпа незнакомых парней. Все они были слегка навеселе, излишне возбужденные, и все с какими-то подозрительно наглыми рожами. Один из них попросил закурить, другой сказал, что надо для порядка отойти в сторону, и потрогал ремень у Андрея на брюках. Короче, стало ясно, что сейчас его будут бить. Просто так, потому что народу понадобилась жертва. Им показалось, будто он кого-то из себя строит, на кого-то не так посмотрел, или пригласил танцевать не ту. Да мало ли чего. Андрей отчетливо понимал, что не справится с ними, что эта толпа его раздавит. Но обиднее всего было то, что его будут бить ради разминки, и он ничего не сможет с ними поделать. Справится с ними не сможет. И если бы не один его плечистый приятель, который в тот момент проходил мимо,

все могло бы закончиться довольно печально, потому что никакие слова эту компанию не остановили бы. Народ в едином порыве непобедим. Тут Павел прав.

– А вчера. Захожу я в школьную столовую, чтобы на обеде пожрать как следует, а меня не пускают. Представляешь, – неожиданно сменил тему Павел.

– Почему? – вяло поинтересовался Андрей.

– У физрука школьного юбилей, видите ли. Там, оказывается, столы накрывают для праздника. Ну, я, естественно, возмутился, права стал качать. Хотел этому физруку вмазать как следует. Показать ему кузькину мать. Но потом передумал. «Дайте хотя бы второе, – говорю, – первого мне не нужно».

– И что?

– Новая повариха вынесла мне еду какую-то. Я деньги отдаю, а она не берет. Это, говорит, от детей осталось. Другого ничего нет…

– Н-д-а!

– Живем как поросята. Хотя я потом еще приходил, в разгар веселья. Тогда все по-другому получилось. Все уже стали добрыми. Усадили меня за стол, заставили выпить. Я поглядел вокруг – глаза у баб масляные. Так и норовят сказать что-нибудь шаловливое. Ну, я, естественно, выпил с ними еще. Потом присел рядом с молодой химичкой. Ну, с той, которая в прошлом году учить начала. Хотел ей сказать чего-нибудь этакое, но слов подходящих не нашел. Застеснялся.

– Чего так? – переспросил Андрей.

– Робею перед красивыми бабами. Что тут поделаешь. Это у меня с детства. Но одному ухажеру ее я все-таки по башке настучал… Обидно стало. Она на него смотрит и смотрит, а на меня – ноль внимания. Я ей разные байки рассказываю, а она не слушает.

– И кого ты побил?

– Сам не знаю. Чужой какой-то мужик попался. Но при галстуке… Он после всех пришел. Не наш вроде.

– Может учитель какой?

– Да нет. Я не знаю его. Чужой какой-то мужик. Или еще чего… Но я его сильно не бил. Пару раз вмазал по загривку, да ушел в котельную.

Павел потупился, перевел взгляд куда-то за окно. Там на ветвях тополя трепетали на ветру последние желтые листья. Потом посмотрел на Андрея и спросил:

– А ты чего с лесным-то образованием в кочегары залез?

– Так получилось.

– Как это? – снова спросил Павел.

– Работы по специальности не нашел, – честно признался Андрей.

– Дурак! Было бы у меня какое-нибудь приличное образование, я бы уголь не таскал.

– А чем бы ты стал заниматься?

– Сидел бы в конторе какой-нибудь. На стуле качался возле компьютера. Я среди баб работать люблю… Глупость какую-нибудь им расскажешь – они смеются. Или в коридоре за жопу ущипнешь – им весело.

– Х-м-м.

– А чего? С хорошим образованием руками-то можно не работать. Башкой ворочать надо.

– Это не всегда получается.

– Да у тебя и в котельной-то не все выходит. То в дежурке не приберешься ладом, то у котла мусор оставишь. И насос после твоей смены все время надо проверять. То течет, то стучит. Подшипники, видно, не мажешь.

При этом Павел посмотрел на Андрея как-то невесело. Андрею от этого взгляда стало неловко. Он подумал про себя: «А что если у Павла настроение сегодня скверное? Чего доброго, решит, что я его чем-нибудь обидел и даст мне в лоб». Андрей немного еще посидел

на нарах, повздыхал и решил на всякий случай из котельной ретироваться. Кто его знает, что у Павла на уме.

Мечта на велосипеде

Степка Голенищин живет в небольшом лесном поселке, расположенном на берегу Вятки. В центре этого поселка стоит громадный Дом культуры с облупившимся фасадом и двумя гипсовыми колоннами у парадного входа, на которых алюминиевой проволокой закреплен выцветший от времени плакат с надписью: «Решения 26 съезда КПСС – в жизнь»! Рядом с Домом культуры, на бугре, заросшем сиренями, возвышается полуразрушенная церковь. За церковью густо зеленеет обширное кладбище, а за кладбищем в старых купеческих особняках разместился туберкулезный санаторий, где работает санитаркой Степкина мама Лиза. В центре этого села расположен глубокий овраг, по дну которого протекает небольшая речка Бушуйка. Берега оврага завалены разноцветным мусором, но в весеннюю пору они густо покрываются цветущей зеленью и от этого чем-то начинают напоминать картины известных французских импрессионистов.

Папа у Степки зимой работает в школьной котельной кочегаром. Он ходит на работу в старой выцветшей фуфайке и кирзовых сапогах. Он большой, усатый и красный, как кирпич. Соседи почтительно называют его Андреем Ивановичем. Руки у отца от тяжелой работы твердые и шершавые, все в мелких трещинках. Он возвращается из котельной усталый, садится на кухне за стол, лениво ест суп и ведет с матерью грустные разговоры про жизнь. Из его разговоров понятно, что деньги за работу ему сейчас не платят, как положено, вот он и мечется, вот он и не знает, как свести концы с концами. Отец ругает новую российскую власть, проклинает рыночные реформы, но сделать ничего не может. Мама иногда с грустью соглашается с ним, иногда довольно грубо обрывает: «Молчал бы уж»! Всё зависит от того, выпившим он пришел с работы или трезвым.

От отца всегда крепко пахнет табаком и тройным одеколоном, которым он пользуется после бритья. Степке отец кажется хотя и не старым, но уже каким-то перезрелым, как гладкий августовский огурец – семенник. Это потому, что голова у отца уже на половину лысая, а шея морщинистая и коричневая от загара. У отца все уже в прошлом, а у Степки все впереди. Он летает во сне, вечерами читает Майн Рида и грезит далекими путешествиями. У него сейчас каждый день яркий и запоминающийся, сплетенный из множества событий, как затейливое макраме, где каждая нить – это новое чувство, каждый узелок – неожиданное, но яркое впечатление.

А еще Степка очень любит кататься на велосипеде, и соседская девочка Аня тоже любит. Они часто встречаются на дороге, но никогда не ездят рядом, вместе. Это потому, что Анька ему нравится. Она высокая, полненькая и очень смазливая. Когда она оказывается рядом с ним, когда смотрит на Степку своими большими синими глазами – он теряется и не знает, что ей сказать. Ему кажется, что говорить о любви еще рано, как, впрочем, и о дружбе, и о погоде. Поэтому при Аньке Степка чаще всего молчит. Так ему удобнее. А если она что-нибудь спросит, он отвечает одним словом – «да» или «нет».

У Аньки, по Степкиным меркам, очень короткие ноги. Из-за этого при езде на велосипеде она раскачивается с боку на бок. Ее велосипед виляет по дороге. Издали это выглядит смешно, но Степка старается не смеяться. Когда Анька катается на велосипеде, Степка забирается на пологую крышу сенного сарая и наблюдает за ней. У Аньки прекрасный новый велосипед с высоким рулем и блестящими спицами. Степка давно мечтал о таком. У Степки, конечно, тоже есть велосипед, но совсем не такой. Степкин велосипед отец собрал из какого-то ржавого хлама и выкрасил половой краской, которая несколько лет на улице валялась. От этой краски велосипед стал рыжий, ни на что не похожий. Поэтому Степка катается на нем только по вечерам, и школьным друзьям старается на глаза не попадаться. Раньше он у родителей просил, чтобы они ему тоже новый велосипед купили, а потом немного повзрослел и перестал

просить, понял, что новый велосипед у них покупать не на что. Сами с копейки на копейку перебиваются.

– Чего это ты на крыше-то сидишь, как сыч? – иногда спрашивает его отец. – Больше тебе заняться нечем?

– А чего? – грубо отвечает Степка. – Нельзя, что ли?

– Шифер проломить можно. Вот чего. И картошку давно пора полоть, жуков колорадских собирать. Не все нам с матерью горбиться. Слез бы да помог родителям.

И чего, собственно, отец к нему пристает, чего цепляется? Сам иной раз ничего не замечает по целой неделе, ходит как чумной, а то вдруг прицепится, как банный лист, особенно когда трезвый. И память у него стала дырявая. Сам чего-нибудь потеряет и закричит на Степку, как будто он все его инструменты разбросал, где попало. Иногда Степке кажется, что отец только пить умеет да ругаться. Мать так и называет его: «Наш пропойца». И никто не называет отца по имени отчеству, все говорят просто Андрей.

А вот у Аньки отец совсем другой. Даже Степкина мать говорит про него, что он человек представительный. На улице без галстука не появляется, в районный центр на своей машине ездит. С ним, наверное, и поговорить можно обо всем.

В большом доме у Аньки есть своя комната с высоким окном в сад. В саду под окном растет жасмин. Анька придет с уроков, поест чего-нибудь вкусного, запрется в своей светлой и удобной комнате, и что-нибудь читает. Степка видит с крыши ее склоненную над книгой голову. А у Степки вместо комнаты – стол за перегородкой, на котором к тому же стоит мамина швейная машина. Когда мама в доме одна, это еще ничего, но если к ней какая-нибудь подружка зайдет, да мать при ней начнет на машине строчить, болтая всякую чушь, то какие уж там уроки. Степка наслушается маминых разговоров, натерпится окриков и сделает вид, что все выучил. Выждет подходящий момент и попросится у мамы на улицу «побегать», а мать ему вместо ответа – шлеп массивной рукой по затылку.

– Вот тебе беготня, троечник несчастный!

– Чего ты? – обидится Степка.

– Ничего. Пока по русскому языку второй раз все не прочитаешь – никуда не пойдешь. А я проверю потом. Спрошу.

И всегда так…

Зимой отец у Степки работает в школьной котельной кочегаром. Из широких школьных окон видно, как отец долбит смерзшийся каменный уголь. И все, кто проходит в это время мимо отца, почему-то стараются с ним заговорить. А он всем отвечает, да еще при этом выразительно размахивает руками. Как будто это тоже его обязанность – со всеми беседовать, всех выслушать и дать дельный совет. Руки у отца длинные, фуфайка промасленная с круглой дыркой на локте, из которой торчит вата, а на ногах старые кирзовые сапоги с загнутыми вверх носками. От тяжелой работы он часто дышит, ему на глаза сползает замусоленная до последней степени меховая шапка. Он часто выпрямляется и толкает ее обратно концом темной рукавицы. Иногда, отдыхая, отец закуривает. В такие минуты Степке жаль отца. Непутевый он какой-то, неинтересный.

Учителя местной школы почему-то считают Степку плохим учеником, и между собой вполголоса сетуют, что он натурой пошел в отца, только пока еще не выпивает, но, когда вырастет, с ним обязательно хлебнут горя. Даже, когда Степка очень хорошо выучит урок, когда все, что нужно расскажет, к его знаниям учителя относятся с прохладцей и по инерции больше тройки ему не ставят. Должно быть, полагая, что это ему все равно ни к чему. В ПТУ и с тройками Степку возьмут. Вообще, в школе к Степке отношение какое-то несерьезное из-за отца. И неважно, что отец хороший плотник, что он рисует масляными красками прекрасные натюрморты, что стихи иногда пишет. Выпивка почему-то все затмевает – люди только ее видят.

Степке, порой, очень стыдно за отца. Стыдно за то, как он выглядит, и за его непрестижную работу тоже стыдно. Да потом еще прощелыги разные водки накупят и лезут к отцу в теплое место посидеть, по душам поговорить. У других ребят отцы, как отцы: инженеры, механики, трактористы, а у Степкиного отца престижной работы нет. И при этом он еще чему-то пытается Степку учить, тогда как сам ни в чем толком не разбирается.

Вон, у Аньки отец прохиндей, все знают, что он в своем магазине водку паленую продает, но это почему-то не портит его репутации. Учителя к нему только на «ВЫ» обращаются, между собой бизнесменом называют. Лучше бы Степкин отец тоже прохиндеем каким-нибудь был, чем так. Таких людей сейчас все уважают. У них авторитет, большие дома, красивые машины. Да и сам Степкин отец однажды сказал, что все начальники сейчас воры. Рабочим деньги вовремя не платят, а сами себе трехэтажные особняки строят.

Иногда во время большой перемены Степка ходит к отцу в котельную. Там для кочегаров небольшая каморка в самом конце приземистого здания. Кочегары называют ее забегаловкой. В забегаловке стоит топчан с полосатым матрасом и стол, липкий от чая и красного вина, а на двери душевой комнаты нарисована голая женщина во весь рост. На подоконниках толстым слоем лежит темная и прохладная пыль.

Отец в котельной всегда встречает Степку неприветливо. Сразу видно, что ему неловко перед сыном. Он, кряхтя, поднимается с топчана, наливает в мутный стакан темного чая и говорит:

– Ну-ка, сынок, сбегай, посмотри, сколь там на градуснике-то?

– Сейчас, – отвечает Степка с готовностью и бежит к котлу.

А его отец тем временем переставляет недопитую бутылку портвейна из – под стола в тумбочку.

– Ну, сколько там набежало? – деловито спрашивает он сына, когда тот возвращается.

– Шестьдесят.

– Ну вот и ладушки. Не парится им там в школе-то. Хватит, – говорит отец, имея в виду вечно зябнущих учителей. – А то уголь к новому году закончится – нечем будет школу топить. Тогда как?

Какое-то время после этого отец молчит, а потом неожиданно спрашивает, поднимая глаза на сына:

– Ты зачем пришел-то?

– Так просто, – отвечает Степка.

– Да нечего тебе тут делать, – заводится отец. – Учись лучше ладом, а то будешь, как я, всю жизнь по котельным таскаться. Небось, ты еще не видел, как золу-то из котла выгребают… Не видел ведь? Вот, то-то и оно… Наглотаешься пыли-то, пока топку чистишь, потом полчаса кашляешь… Учись лучше. Может, потом инженером станешь, или бухгалтером. Работу надо чистую иметь. Это только мы с твоей мамкой вечно по колено в грязи ходим. Корову держим, свиней разводим, куриц, овец. А толку от этого хозяйства – кот наплакал. Забота одна… Вот вырастешь и никакую скотину не заводи, кроме кошки да собаки.

– Заговорил опять.

– А чего?

– Выпил, вот и заговорил.

– Ну, выпил сто грамм. Честное слово, всего сто грамм… А говорю, значит, накипело. Чего мне молчать-то. А ты, как говорится, слушай и запоминай. Такого тебе никто не скажет. Учти! Сейчас все кругом только и делают, что врут… Все врут… Никому верить нельзя. И коммунисты врали, и демократы больше того врут. Вот вырастешь – и никому не верь!

– Точно выпил!

– Ну выпил сто грамм.

– Одно и то же по несколько раз повторяешь.

– А почему и не повторить, если это правда. Правду надо всем знать. Не было у нас в России честной власти, поэтому мы и живем кое- как. Не любит нынешняя власть свой народ. Вот вырастешь – и никакой власти не верь.

– Ну вот, опять учить начал. Ерунду заговорил.

– Как это? – возмутился отец.

– Да учитель истории, Павел Павлович, нам совсем другое говорит. А уж он-то, наверное, получше тебя в таких вещах разбирается. Он институт закончил.

– Вот тебе на! Нашел довод! Институт закончил.

– И демократы вовсе не жулики. Они за процветание России борются, против чумы сталинизма. А мысли плохие у тебя оттого, что ты выпиваешь все время и ничего хорошего вокруг не видишь.

– Вот дает, а! Вот, воспитал я сынка!

– А чего?

– Да как ты с отцом-то заговорил, а! Как? Отца он слушать не хочет, видите ли. Сам все знает… Ну я тебе сейчас встану! Ну я тебе вмажу по загривку-то. Я…

Но быстро встать отец не успел. Степка вовремя соскочил со стула и отпрыгнул в сторону. Отец запоздало махнул рукой, и сшиб со Степкиной головы большую кроличью шапку. Степка без шапки выбежал из котельной на улицу и остановился у кучи каменного угля под дощаным навесом. Через пару минут в проеме двери показался его отец. Одна рука у него была за спиной, другой он оперся о дверную ручку и с издевкой сказал:

– Ну, иди в школу-то, чего встал?

– Шапку отдай, – попросил неуверенно Степка, – тогда уйду.

– А может я ее в топку бросил, – проговорил с ехидной улыбкой отец.

– Мамка тебе бросит… Я ей все про тебя расскажу. Как ты тут пьянствуешь, как меня без шапки на улицу выгоняешь. Все расскажу…

Отец после этого сразу изменился в лице. Сник, посерьезнел, ссутулился. Попробовал загладить вину.

– Ну вот, пошутить нельзя, – сказал он хриплым голосом.

– Все расскажу, – упрямо повторил Степка.

– Ну и зря. Может я сегодня зарплату получу.

– Тем более.

– Может я сегодня ей, матери-то, подарок какой-нибудь куплю. Она добрая будет, не послушает тебя.

– Жди, купишь ты!

– И тебе куплю.

– Дождешься от тебя!

– А чего… Если ты ей ничего не скажешь, я тебе целую пачку жвачек принесу.

– Каких? – заинтересовался Степка.

– Ну, этих как его. Бубль гум, что ли.

– Не верю.

– А чего. Я сегодня добрый. Вот домой приду – лошадь тебе нарисую. И красок масляных дам на время. Только ты матери ничего не говори про меня. Понял? Она и так какая-то обиженная ходит.

– А про жвачку не врешь?

– Нет. Если я обещал, то исполню. Ты меня знаешь.

– Ну ладно, – согласился Степка.

– На, свою шапку-то.

– Давай, только не обманывай.

Степка протянул к отцу свою тонкую, несмелую руку.

– Я ведь тебе не враг, – отдавая сыну шапку заговорил отец каким-то чужим хрипловатым голосом. – Я вас с мамкой обоих люблю, добра вам желаю. Можно сказать, ради вас живу. А вы этого не понимаете. Не любите меня.

– С чего ты взял?

– Не любите, я знаю… Отца родного презираете… А за что?

– Ну вот, зареви еще.

– И зареву. Довели вы меня. Оба с мамкой. Довели, нечего сказать!

– Ну, пап!

– Чего… Обидно ведь мне тоже. Я обычный человек… Не бизнесмен какой-нибудь, зарабатываю мало.

Отец грязной рукой отер со щеки крохотную слезу.

– Ну, перестань, пап. Дрова вечером поколю, только перестань. Перед людьми неудобно.

– Не перестану… Обидно мне, – почти шепотом проговорил отец. – На работе устаешь, как собака, да тут еще вы наседаете.

Анькин отец, наверное, никогда не плачет. Ему незачем. У него все есть. Машина, дом, магазин на главной улице. Он ни с кем не ссорится из-за пустяков. И спорить с ним незачем. Он всегда прав. Когда Степка видит Анькиного отца, проезжающего по селу на ярко-красной машине, то у него всегда сердце замирает от восторга. Анькин отец в сорок лет кажется Степке красавцем. Даже седина на висках его почему-то не портит, а украшает, пышные усы придают солидности. И не понятно, почему так легко ему все дается.

Вот и Анька тоже такая же. Она с первого класса стала отличницей. На фортепиано свободно играет, красиво поет, стихи рассказывает на школьных вечерах. И все у нее получается, как бы играючи, как бы само собой, без особых усилий. И, ведь странное дело, иной раз за уроками Степка больше времени проводит, чем она. Он еще не успеет к одному уроку как следует подготовиться, а она уже на улицу выходит. Уже бежит на реку в коротеньком шелковом платье, и вид у нее при этом такой беззаботный, что даже обидно.

Анька любит лето. И Степке лето тоже нравится. Летом Степкин отец, как все люди, работает плотником, и хотя часто выпивает, пропить все заработанное не может. Теплыми летними вечерами отец ездит косить траву для коровы в кустах у заброшенной дороги. Иногда берет с собой Степку. Усаживает его на заднее сидение своего «Минска» и дает газу до отказу. Мотоцикл при этом ревет, как бешеный, и несется по пыльной дороге в желтое море июньского вечера. У Степки от страха и радости замирает сердце. Он обнимает отца за спину и сильно прижимается к нему, чтобы не свалиться ненароком. В такие минуты Степка очень любит отца. Вот, наверное, и Анька так же себя чувствует, когда едет с отцом на машине. Хотя Анька – это мечта. До нее далеко, как до неба. Она такая же загадочная, как та красивая и печальная женщина с ребенком, которая нарисована на куполе полуразрушенной церкви. Эта женщина босыми ногами ступает по облакам, а седовласые старики кланяются ей в пояс. В старой церкви однажды Степка повстречал Анюту. Тогда он забрался под самый купол храма по винтовой лестнице, и стал с интересом разглядывать настенную роспись. Яркие краски его заворожили, он погрузился в медлительное созерцание и не заметил, как в церковь вошла Анька. Она приблизилась к уцелевшим частям алтаря и стала смотреть на древние лики святых. Потом подняла одну руку, чтобы поправить свои курчавые волосы, и ее тонкий локоть ярко блеснул в случайном солнечном луче, который пробился в церковь откуда-то с боку. Потом Анька отошла от алтаря и слегка притопнула ногой по мраморному полу. Громкий звук, похожий на шелест крыльев улетающей птицы, поднялся под самый купол и опустился обратно дробным эхом. Анька притопнула еще раз, потом еще, и вдруг поплыла по полу в медленном танце, напевая что-то себе под нос. Степка в это время заворожено следил за ней. Ждал, что будет дальше. Но Анька неожиданно перестала танцевать, постояла немного без движения, потом крадучись, шмыгнула в самый темный угол и быстро присела там. Притихла. А немного погодя до Степки

донесся странный журчащий звук. «Так вот зачем она пришла сюда», – запоздало и разочарованно подумал он. С досады шаркнул ногой о каменную ступень, потом негромко кашлянул в кулак и увидел, как испуганная Анька серой птицей упорхнула в дверной проем, оставив после себя на полу небольшую темную лужицу. После этого он уже не смотрел на Аньку с завистью. Она стала для него, как все. Не лучше и не хуже. Да и отец у него вскоре пить бросил. У отца обнаружили язву желудка. Теперь он ходит по дому с виноватым лицом и говорит матери, что ей с ним недолго осталось маяться. Скоро ему крышка.

Степка сейчас старается не перечить отцу. Он хотя и ворчун, но добрый. Иногда даже гладит Степку по голове своей тяжелой шершавой рукой, заглядывает в глаза и вздыхает. А о чем вздыхает – не понятно. И взгляд у него стал какой-то тоскливый, как будто осень на дворе, как будто на тусклых оконных стеклах застыли мелкие капли дождя.

В свободное время, по просьбе батюшки Анатолия, отец реставрирует в церкви алтарь. Работа у него идет медленно. Он сильно устает, часто отдыхает, но дело свое бросать не собирается. Говорит, что когда-нибудь, если Россия в нынешней смуте выживет, люди его добрым словом помянут. А больше-то ему ничего и не нужно. Такая у него мечта.

Рассказы

Новый человек

Небольшой городок под названием Красновятск с давних пор располагался в глухих лесах европейской России, где-то между Камой и Вяткой, и был знаменит лишь тем, что на здешнем спиртзаводе выпускали приличную водку под характерным названием «Вятский лес». В старинных летописях название городка никогда не упоминалось, в памятниках культуры он тоже не значился, зато большинство местных жителей почему-то считали себя потомками Ермака, так как носили фамилию Ермаковы.

– В 1995 году в этот городок приехал с севера бывший шахтер Павел Васильевич Уткин, мужчина среднего роста, слегка полноватый и сутулый, который удивил местных жителей тем, что купил в центре городка огромный деревянный особняк с четырьмя гипсовыми колоннами по фасаду и высоким крыльцом, украшенном витыми чугунными перилами. После этой покупки обыкновенные жители городка стали относиться к бывшему шахтеру с уважением, памятуя о том, что этот дом принадлежал когда-то купцу Алексею Маслову, который был женат на актрисе Ольге Кабилер, той самой женщине, дочь которой впоследствии стала известной писательницей, но революционных перемен не приняла, в двадцатые годы уехала за границу, написала там излишне откровенную, скандальную книгу воспоминаний и умерла в Лозанне.

Откровенно говоря, этот дом был уже довольно старый, имел печное отопление, высокие потолки и такие же высокие створчатые окна, из которых зимой и осенью почему-то несло жутким холодом. В нижнем этаже этого дома располагались четыре комнаты, заполненные громоздкой резной мебелью темного цвета, которая казалась никуда не годной из-за своей давно устаревшей формы. В одной из комнат стоял облупившийся бильярд, в другой – дубовый секретер, в третьей – диван с древней кожаной обивкой, твердой, как бивень мамонта.

Кроме громоздкой мебели в огромных комнатах было еще три печи, украшенные замысловатыми синими изразцами, широкая дубовая лестница на второй этаж и массивная кованая дверь, ведущая в подвал, всегда запертая большим амбарным замком, оставшемся должно быть еще от купца Маслова.

Ближе к осени в доме стало прохладно, печи пришлось затопить, и только после этого Павел Васильевич понял, какую ошибку он совершил, купив этот дом. Огромные печи пожирали сухие березовые дрова с пугающим аппетитом, а нагревались, между тем, очень медленно и скупо отдавали тепло. Поздней осенней порой в старом купеческом доме Павлу Васильевичу сделалось одиноко и холодно, особенно после того как выпал первый снег, а потом на половину растаял и превратился в блестящую скользкую кашицу, прилипающую к подошвам сапог. Не скрашивал одиночества даже запущенный яблоневый сад за окном, кривые и косматые ветви которого поднимались до окон второго этажа. Чем короче, чем холоднее становились дни, тем беспросветнее и тягостнее становилось одиночество Павла Васильевича. Должно быть из-за этого, когда однажды вечером в огромном доме Павла Васильевича появилась кошка, у него стало теплее на душе. Хотя бы какое-то живое существо в сумрачном жилище. «Пусть живет, – решил он, – в такой вместительной хоромине места всем хватит». И несмотря на то, что кошка выглядела более чем невзрачно, Павел Васильевич тут же простил ей все ее недостатки, в то числе и то, что она постоянно сидела на подоконнике и сонно смотрела в сад, высунув кончик языка. Кошка была трехшерстная худая и подслеповатая. Мяукать как положено она уже не могла, только жалобно разевала рот и протяжно хрипела. Или поднималась на задние лапы возле стола, цеплялась тупыми когтями за скатерть и поочередно перебирала лапами, выпрашивая еду. Зато съесть могла удивительно много. А, наевшись, уходила в под-

полье и справляла там все свои кошачьи надобности с характерным звуком, напоминающим гудение пустой водопроводной трубы. К местным котам эта кошка была равнодушна, на мышей смотрела с брезгливостью, и вообще вела созерцательный образ жизни. В какой-то момент Павел Васильевич решил, что она, судя по возрасту, тоже пенсионерка, тоже в годах, и полюбил ее еще больше, потому что почувствовал в ней родственную душу. Вместе они дожили до весны. А весной в доме появилась собака. Тоже откуда-то пришла. Надо сразу признаться, что и приблудная псина была невзрачная, немолодая, да и цвет шерсти у нее был какой-то странный – бледно-песчаный. Породу ее невозможно было определить. Она была не гончей и не дворнягой, а чем-то средним между этими породами. У нее были большие приплюснутые уши, тонкий длинный хвост и простоватая лобастая морда с темными глазами. В первый момент Павел Васильевич решил было собаку прогнать. Ну для чего ему собака, на самом деле? А потом подумал немного и решил: «Пусть живет, дом большой, места всем хватит». Тем более что псина оказалась безобидная и понятливая, ни на кого без надобности не лаяла, без нужды на людей не кидалась, только лениво разгуливала по саду между яблонями и задумчиво смотрела по сторонам, как будто хотела что-то важное вспомнить, но не могла. Постепенно Павел Васильевич тоже пристрастился к прогулкам по саду вместе с собакой. Пообедает, наведет для собаки какой-нибудь еды в пластиковом ведерке и выходит в сад прогуляться. А она уже бежит к нему, радостно помахивая хвостом, вертится под ногами, пока он шагает до собачьей миски, терпеливо ждет, пока выливает еду, а потом принимается есть и при этом забывает обо всем на свете. Самозабвенно ест, с аппетитом, как Павел Васильевич ел в далекой юности. И в саду с собакой стало не скучно. Она всегда была чем-нибудь занята. Все видела, все замечала, на все обращала внимание. Не мог ускользнуть от нее ни падающий лист, ни сидящая на заборе ленивая местная ворона. В общем, с кошкой и собакой в доме стало веселее.

Потом оказалось, что собака когда-то имела хозяина, но старый хозяин после смерти жены жутко запил, промотал все, что имел, вместе с домом и проживал сейчас, где придется. Он несколько раз приходил к собаке, гладил ее по большой теплой голове и говорил, что завидует ей. Она нашла дом, а ему сейчас совсем негде приткнуться.

Первое время Павел Васильевич старался быть с деревенским бродягой построже. Думал, что он станет на пиво просить или на ночлег пристроится где-нибудь под навесом, но ошибся. Бродяга оказался безобидным. Павел Васильевич смотрел-смотрел, как он без своего угла мается, и не выдержал, пригласил его к себе на жительство, а про себя подумал: «Дом большой, места всем хватит». Два дня для бездомного бродяги баню топил, одежку кой-какую подбирал, по утрам велел как следует умываться. И в конце концов добился своего, – Иван приобрел довольно приличный вид. После этого длинными вечерами Павел Васильевич и деревенский бродяга стали подолгу задерживаться на веранде. Пили чай и беседовали. Хотя, если честно признаться, собеседник из пришлого мужика был неважный. Он только слушал да вздыхал, а Павел Васильевич говорил. Причем, чем мудренее была его речь, тем вдохновеннее. Павел Васильевич сам не ожидал, что под старость лет в нем проснется философская жилка, и наличие внимательного слушателя для него сейчас было как нельзя кстати.

Постепенно на летней веранде стало собираться все семейство Павла Васильевича. Кошка, собака и беспризорный мужик Иван. Кошка, как всегда, сидела на подоконнике, выставив кончик языка. Собака лежала на полу возле порога, положив лобастую морду на перекрестье лап. Иван располагался в старинном кресле и делал вид, что внимательно слушает рассуждения Павла Васильевича. Иван был мужик невзрачный, худой, глуховатый и рано состарившийся. Нижнюю часть лица у него занимала рыжая с проседью борода, незаметно переходящая в пышные бакенбарды, которые он наотрез отказался сбривать, а верхняя половина лица была какого-то странного землистого цвета с темными крапинками. Над маленькими мутноватыми глазами нависали пышные брови, создавая в глазах густую тень, так что взгляд

у Ивана всегда казался немного хитроватым, хотя, скорее всего, хитрости в нем не было никакой – сплошная созерцательность и недоумение.

Иван ложился спать рано, рано и поднимался. Шаркая подошвами тапок, выходил на крыльцо, садился там на теплый деревянный приступок и смотрел на восток. Любил тот момент, когда из-за леса на горизонте появляется солнце. Рядом с Иваном в это время устраивался пес с отвисшими ушами, иногда приходила кошка с высунутым языком. Порой появлялся и сам хозяин дома с озабоченным видом. Он любил поспать по утрам и не понимал людей, готовых пожертвовать сном ради зрелища. Хотя в середине лета даже запущенный сад перед домом мог показаться великолепным – настолько много в нем было всего: и густой малинник, и пахучая смородина, и высоченная крапива вдоль забора, и необыкновенно высокий, породистый репей возле бани.

А однажды утром в конце сада, куда смотрел Иван, показалась женщина – такая же невзрачная, как он, такая же скуластая и такая же немолодая. Иван пояснил, что это его сестра идет, хотя Павел Васильевич и так уже догадался. Женщина подошла и села рядом с Иваном. Сказала, что проходила мимо и решила заглянуть просто так. Ей ничего не нужно, только с братом немного поговорить и все, и больше ничего. Вот сейчас поговорит и уйдет. И Павел Васильевич сразу догадался, что она пришла неспроста, что у нее есть какой-то тайный план. Вот только стоит ли этого плана опасаться, не мог для себя решить. Но на всякий случай пригляделся к ней получше. Решил, что нет в этой бабе ничего особенного. Баба как баба, только слегка полноватая. Русая или рыжеволосая сразу не поймешь. Зад узкий, плечи широкие, очень короткая шея. Если одеть эту бабу во все мужское да посмотреть на нее со спины – можно принять за портового грузчика. Вот только глаза совсем не такие, как у Ивана, синие глаза и довольно большие, с загадочной русской грустинкой. Женщину звали Зинаидой. Она стала приходить все чаще. Мыла полы, протирала мокрой тряпкой громоздкую мебель, что-то переставляла, поливала, облагораживала. Говорила Павлу Васильевичу, что не хватает в его доме женской руки. Все запущено до нельзя, всюду пыль и грязь. Потом задержалась на весь день, приготовила сытный хотя и простоватый обед для всей компании. Потом собрала ужин. После ужина осталась пить чай на просторной веранде, слушала умные разговоры Павла Васильевича с недоверчивым видом и смотрела в запущенный сад с загадочной полуулыбкой.

В общем, вскоре так получилось, что однажды утром Павел Васильевич обнаружил Зинаиду рядом с собой в постели. Вспомнил вчерашний вечер во всех подробностях, как пили на веранде красное вино и закусывали свежими малосольными огурцами, как бойко беседовали о жизни. А потом вдруг она оказалась рядом с ним в коридоре. Он ее приобнял, поцеловал куда-то в лоб в знак благодарности за все, а она расценила это по-своему.

Павел Васильевич глубоко вздохнул и ощутил внизу живота непривычно приятное напряжение, как в далекой юности. Подумал, что он еще не стар и женщина, лежащая рядом с ним в постели, выглядит не такой уж невзрачной, как ему показалось в первый момент. Ну, конечно, она уже немолода, и плечи у нее излишне широкие, и пальцы на руках огрубели от тяжелой работы, но не смотря на все это, осталось в ней что-то манящее, теплое и родное, без чего настоящему мужчине довольно сложно обойтись.

С этого дня в старом купеческом доме воцарился порядок. То есть, у каждого жителя в нем появились свои обязанности. Зинаида как-то очень быстро вошла в роль хозяйки дома, и уже довольно скоро все его постояльцы это почувствовали. Одной из первых, естественно, это отразилось на кошке. Досталось ей и за лень, и за старость, и за сонный вид. Сначала ее миска перекочевала в сени, потом на улицу, а потом и сама кошка куда-то запропастилась. Павел Васильевич хватился ее не сразу, так как целыми днями сейчас работал в саду. Перекапывал междурядья под яблонями, возил на скрипучей тележке от хозяйственного соседа коровий навоз на будущие гряды, менял гнилые доски в заборе. К вечеру сильно уставал и не чувствовал

в душе ничего, кроме странной апатии. О философских беседах на просторной веранде сейчас даже речи не было.

Немного погодя, приблудную псину Зинаида посоветовала посадить на цепь возле калитки. Пусть собака своим делом занимается – дом сторожит, чем по саду слоняться без цели. Несколько дней Павел Васильевич решению пришлой женщины в роли жены как мог противился, а потом купил цепь, смастерил из брючного ремня ошейник и привязал собаку к забору. Чего уж теперь. Не ссорится же из-за собаки с бабой. Как-то неудобно. Нехорошо. Она-то к нему всей душой, а он? Правда, после этого некрасивая псина стала жалобно выть по ночам и плохо ела, но порядок есть порядок. К тому же, гулять по саду летними вечерами после трудового дня у Павла Васильевича уже не оставалось сил, а сидеть на веранде можно и без собаки. Было бы с кем поговорить на отвлеченную тему, было бы кому пожаловаться на свою беспросветную жизнь.

Вот и пришлый мужик, Иван, в последнее время стал слушать хозяина с неким скрытым сочувствием и тревожным непониманием в глазах. Но однажды, когда Зины не было дома, все же не выдержал и сказал, что сестра у него, вообще-то, стерва, прогнать ее надо, да и дело с концом, пока не поздно. А то, не ровен час, она всех из этого просторного дома выселит. Всех по миру пустит. Павел Васильевич удивленно посмотрел на Ивана, даже согласился с ним в душе, но ничего не ответил. Решил, что не по-христиански это, не по-человечески. Так нельзя. Сначала приласкал бабу, потом выгнал.

И все было бы хорошо, если бы новая жена об этом разговоре ничего не узнала, но Павел Васильевич почему-то ей все рассказал. Не привык ничего от любимых женщин скрывать. Посчитал, что это неудобно, они же теперь одна семья. А на следующий день был неприятно удивлен странной тишиной в доме. И на крыльце утром никого не нашел, и за завтраком Ивана не встретил, и возле пруда, на заросшем осокой берегу его не было. Иван как сквозь землю провалился. Павел Васильевич походил, поискал его в саду под яблонями. Может копает чего по приказу сестры. Но в саду тоже было пусто. Потом Павел Васильевич решил, что Иван ушел куда-нибудь по своим делам и к обеду вернется. До вечера ни о чем не спрашивал у жены, все ждал, что она сама ему обо всем расскажет, но напрасно – ничего она ему объяснять не захотела.

Вечером на веранде Павел Васильевич сидел мрачный, как туча, и впервые за последние дни странное ощущение возникло у него, как будто он чужой в этом огромном доме. Будто у него здесь нет ничего своего. И сам он тут никому не нужен – тоже чужой. И такая тоска, такая досада овладела им, что он, толком не осознавая происходящее, пошел собирать чемодан. «Уезжать надо отсюда, пока не поздно, – вертелось в его голове, – уезжать как можно скорее». И когда уже вещи собрал, когда успел в уме попрощаться со своим вместительным домом, вдруг спохватился. Зачем уезжать-то? Ведь это его дом. Он тут хозяин. А его нынешней жене, этой упрямой квадратной женщине, здесь ничего не принадлежит. Пусть она уходит. Но когда вечером он, собравшись с духом, попросил ее оставить его одного, мирно покинув его жилище, она закатила ему такую истерику, такую сцену, от которой он долго не мог опомниться.

– Значит, теперь я стала тебе не нужна, – закричала она обиженно, – когда я все дела в этом доме приделала, все промыла, прочистила, промела! Когда все овощи на гряды высадила, ополола, окучила. После этого ты решил меня на улицу выкинуть, как паршивую кошку. Избавиться от меня решил… Молодец! Так мне и надо! Сама во всем виновата я. Пожалела тебя, дурака! Решила, что ты человек серьезный. Что ты оценишь труды мои.

– Дело не в этом, – перебил ее Павел Васильевич.

– А в чем же тогда?

– Просто у нас с тобой интересы разные. Я хочу жить как прежде, а ты мне не позволяешь. Свободу мою ограничиваешь.

– А ты, значит, хочешь лежать на печи, ты хочешь ничего по хозяйству не делать. Чтобы в доме псарня была, грязь и беспорядок. Этого ты хочешь?

– Нет. Я хочу жить, как раньше жил. Больше ничего.

– Но сейчас-то чего тебе не хватает, никак не пойму?

– Спокойствия, – вдруг нашел подходящее слово Павел Васильевич. – Вот не было тебя в нашем доме, и был я тут настоящим хозяином. Кошек и собак привечал. Хорошему человеку с жильем помог. Все мне были рады и все меня понимали. И от этого в душе моей был покой. А сейчас я каждый день должен чем-то доказывать, что ем свой хлеб не напрасно. Не зря.

– Значит, жить на земле – и огород не копать, картошку не садить, смотреть, как земля сорняками зарастает. Так что ли? Это же глупо!

– Может и глупо. Только я так хочу. Я хочу никуда не торопиться, ничего не планировать. Просто жить и все, и больше ничего.

– Ну и живи, как хочешь. Леший с тобой!

– А ты?

– А я так жить не могу. У меня сердце кровью обливается, когда я такое запустение вижу. Такой беспорядок… Это ж надо – держать в доме кошку без зубов, собаку, которая от старости ничего не видит, чужого старика, от которого мочой пахнет… Нет, я так не могу. У меня сердце кровью обливается. Я лучше уйду.

И ушла…

А после этого, буквально через день, вернулся в старый купеческий дом сильно пьяный, но очень довольный Иван. Он где-то нашел кошку Муську и принес ее за пазухой. Кошка уселась между гераней на подоконнике, высунула кончик языка и просидела так до самого вечера, глядя вдаль стеклянными глазами, а когда Павел Васильевич погладил ее по голове, она сонно посмотрела на него, промурлыкала что-то ласковое, и от избытка благодарности выгнула спину коромыслом.

В тот же вечер Павел Васильевич отвязал от забора исхудавшую псину. Псина завертелась юлой, признательно заскулила, метнулась куда-то в кусты одичавшей вишни и принесла оттуда дохлую крысу в знак благодарности.

Потом, когда Павел Васильевич, удобно разместившись у телевизора смотрел кино, по белой стене рядом с ним сверху вниз прошелся какой-то мохнатый и большой паук, так что Павлу Васильевичу пришлось немного посторониться, чтобы дать ему дорогу. По инерции Павел Васильевич поднял было руку, чтобы прихлопнуть паука, но в последний момент решил этого не делать. А вдруг это и не паук вовсе? Вдруг в этом пауке живет сейчас душа его дедушки Егора Сергеевича? Дедушка Егор в старости был такой же сухой, волосатый и неразговорчивый.

На следующее утро все постояльцы большого купеческого дома встречали солнце на ступеньках крыльца. Сбоку, возле чугунной ограды, сидел Павел Васильевич в синей футболке и белых кальсонах. Рядом с ним разместился пришлый мужик Иван. Рядом с Иваном – подслеповатая беспородная псина, а рядом с псиной – беззубая кошка с блестящими глазами. И все они были как одна большая семья, все они были как родственники.

Не знаешь, где потеряешь

В двадцать пять лет как мы смотрим на женщин? Да примерно так же, как провинциальные зрители смотрят на полотна Рубенса в Эрмитаже, как смотрят они на статуи Родена, вблизи напоминающие яркие сцены из немого любовного кино. В двадцать пять о каждой хорошенькой женщине хочется написать роман. О чем, спросите вы. Да, к примеру, о том, как она проходит мимо, как легко и проворно переступают ее стройные ноги в оправе длинной юбки, как выразительно текут неглубокие складки от бедра к колену, как при каждом шаге соблазнительно вздрагивают ее полные ягодицы; как, на первый взгляд, случайный полет ее руки завершается расчетливым перебрасыванием какой-нибудь русой пряди в копне причудливо взбитых волос. Как где-нибудь на полпути к цели она непременно подходит к зеркалу или к темному окну, выполняющему для нее роль зеркала, и смотрит на себя с независимым видом, оценивая ту или иную деталь своего нового костюма. В общем, в двадцать пять всякий мужчина немного романтик, немного фантазер и поэтому в каждой хорошенькой женщине видит что-то новое, что-то загадочное и соблазнительное.

Я тоже не был исключением. Сейчас мне кажется, что я в те годы влюблялся по несколько раз на дню. Одного взгляда на хорошенькую женщину было достаточно, чтобы влюбиться. Когда ты силен и красив, когда, идущая тебе навстречу молодая женщина вдруг ни с того ни с сего сверкнет на тебя глазами, а потом стремительно их опустит, – это особенно остро ощущается. А мне почему-то очень хочется верить, что я в ту пору был не хуже других мужчин. Иначе отчего же я был так самонадеян и честолюбив, так импульсивен и нерасчетлив.

С Татьяной, о которой я хочу рассказать, мы познакомились в Доме культуры, где вместе занимались в кружке бального танца. Надо сразу сказать, что она была не моей партнершей и поэтому долгое время мы разговаривали только глазами. Тот, кто хоть однажды по-настоящему любил, знает, что это возможно. К тому же, надо признаться, глаза у Татьяны были исключительно выразительные, большие и загадочные. Они заманивали синевой и обдавали каким-то праздничным блеском. У нее и руки тоже были какие-то особенные, всегда теплые, пухленькие с розоватыми тонкими пальчиками. Короче говоря, всем своим видом Татьяна приучала меня к тому, что с ней нужно обходиться бережно, к ней надо приближаться осторожно, как к бабочке, случайно присевшей на первый весенний цветок.

Помнится, после короткого обмена комплиментами в яркой и праздничной суматохе какого-то юбилея, где было много пышных речей и угощений, мы выбрались на улицу и пошли гулять по ночному Уржуму. Вначале по центру города, между купеческих домов, мы дошли до памятника Кирову, потом по улице Чернышевского спустились к Троицкому собору. От собора по главной улице города дошли до здания редакции местной газеты «Кировская искра», и направились к небольшой речке Уржумке, где темнел деревянный мост. Все это время у меня было ощущение, что я уже очень давно знаю Татьяну, потому что она мне в чем-то родственная душа. Но все же, в самом начале наш разговор почему-то не клеился. Я даже попробовал прочитать ей какие-то пронзительные и страстные стихи Марины Цветаевой, чем очень ее удивил. А так как вечер наш начался со стихов, то я был почти уверен, что ничего примечательного в эту ночь не произойдет. Так уже было со мной когда-то. Стихи кончаются, кончаются все искренние признания, все комплименты, и возникает в общении с женщиной некий вакуум, потому что все иное после чтения стихов кажется грубым и низким. Хотя мне по душе в ту пору был иной настрой. Слишком много нерастраченной, чисто мужской силы скопилось во мне, чтобы могла она излиться только стихами. И слишком соблазнительной фигурой обладала Татьяна, чтобы этого не замечать. Я все чаще стал смотреть по сторонам, пытаясь заинтересовать ее ночным пейзажем, стал говорить о житейских, вполне прозаических вещах. Но все тщетно. Лирический настрой не исчезал. Так дошли мы до Отрясовской горы, которая полого

поднималась вверх к полной и яркой луне. Синеватый блеск луны тонким серебряным нимбом покрывал влажный ночной асфальт пред нами. Пахло цветущей полынью и придорожными ромашками. С левой стороны, в юной березовой рощице на бугре, щебетали какие-то птицы. Потом вспыхнуло и погасло далекое зеленоватое окно в одном из домов на склоне горы, потом встречная машина ослепила нас светом фар. Мне захотелось повернуть обратно, но Татьяна неожиданно предложила:

– Давай поднимемся туда, – указав рукой на вершину горы.

– Давай, – без особого энтузиазма согласился я.

– Я никогда не видела ночной Уржум с высоты, – призналась Татьяна. – Особенно ночью. В детстве я любила лазить по деревьям, потому что у нас во дворе всегда росла береза. На эту березу весной прилетали грачи гнезда вить, а осенью она весь двор засыпала своими желтыми листьями.

– А сейчас?

– Что?

– Она уже огромная стала, наверно?

– Ее больше нет. В прошлом году перед грозой, когда был сильный ветер, береза упала и проломила у соседей крышу… Я не люблю, когда деревья умирают, – с грустью пояснила Татьяна, – Отец из-за соседей переживал. Думал, они обидятся. А мне без дерева во дворе стало тоскливо.

В это время я взял Татьяну за руку и повернул лицом к себе. Она опустила глаза и покорно дала себя поцеловать. Потом вдруг отстранилась, вскинула брови, готовая что-то сказать, но я приставил палец к ее губам.

– Ничего не говори, – попросил.

– Ты не хочешь со мной разговаривать? – удивилась она.

– Мне слишком хорошо с тобой… без слов.

В это время я снова поцеловал ее еще раз. И стразу почувствовал, как от ее губ пахнет помадой, какие они пухлые, теплые и неумелые. В это время ее руки ловко обняли меня за талию и проникли куда-то под ремень, как бы ненароком прикасаясь к голому телу. И при этом ничего не изменилось в ее лице. Оно было все такое же милое и немного смущенное. Да нет, пожалуй, не такая уж она неопытная в любви, пронеслось в моей голове. Иначе, откуда в ней эта очаровательная шаловливость, это безошибочное скольжение рук, которое как камертон настраивает мои невидимые струны на любовный лад… Или так мне только кажется, потому что каждый участок моего тела уже ждет прикосновения и готов звенеть от внутреннего напряжения. Того и гляди запоет. И она это, кажется, чувствует, потому что прижалась ко мне головой, обдала горячим дыханием грудь, зашептала что-то неразборчивое.

Оставшиеся метры до вершины горы мы преодолели с легкостью за несколько минут. Ощутимо нервничая и тяжело дыша, я стал искать глазами хоть какое-то укрытие, но увидел поблизости только синеватые копны можжевельника да белесые валуны, холодно блестящие в ночи. С каким-то странным нарастающим волнением мы поспешили мимо этих валунов к молодому ельнику, и я до странного отчетливо ощутил, как отчаянно бьется мое сердце. Услышал, как мы оба громко и часто дышим. При этом лица наши горят, а все кругом почему-то прыгает, шелестит и мелькает.

И только когда мы оба повалились в траву совершенно голыми, я вдруг с испугом ощутил, как много комаров кругом, как они дружно облепляют мою обнаженную спину. В это время Татьяна уже во всю начала воевать с комарами, лежа в густой синеватой траве и с недоумением поглядывая то на меня, то куда-то в сторону, где уже проступает сквозь мрак желтоватая полоска рассвета. «Съели, – смущенно пояснил я, отбиваясь от комаров что есть мочи. – Я так не могу». «Вот гады»! – отозвалась она скороговоркой. Потом как-то боком поднялась из травы и поспешно начала одеваться. Я увидел, как плещутся в лунном свете ее длинные золотистые

волосы, как она сильно нагибается, выставляя напоказ тонкий пунктир позвоночника. «Она еще такая худышка», – проносится в моей голове. И сразу я почувствовал себя очень виноватым перед ней и постарался оправдаться:

– Они меня облепили все разом, как рой пчел. А у меня после каждого укуса кожа чешется и волдырь всплывает. С детства не переношу, когда комары кусаются.

Она на мои слова ничего не ответила. Наверное, я сильно ее обидел. Ей, скорее всего, комары не помешали бы.

– И вообще, Таня! – Я слегка дернул ее за руку, чтобы привести в чувство. Она отрешенно посмотрела на меня и снова ничего не сказала. Взгляд скользнул куда-то мимо.

– Таня, пойдем ко мне, – почти взмолился я, надеясь таким образом исправить свою ошибку. – У меня дома полог на веранде. Там тепло и уютно, там нас никто не потревожит. И комаров этих гадких там нет.

– А родители? – деловито осведомилась она, но потом, как будто спохватившись, напустила на себя скромности и добавила: – Нет, это исключено. Мы с тобой еле – еле знакомы.

– Но мы…

– И хватит об этом… Ну почему вы, мужчины, все такие бесчувственные, – заговорила она с явными нотками раздражения в голосе. – Вы требуете от женщин только одного. Вы ради этого всем готовы пожертвовать. И…

– Неправда, – возразил я. – Какие же мы бесчувственные, если любить хотим. Бесчувственным ничего не нужно.

– И грубые. Ведь грубые же.

– Нет, скорее, ласковые, но по-своему.

– Да, какая же это ласка, когда…

– Мужская. Нас так устроила природа. Это тоже надо понимать.

– Нет, это у вас от невоспитанности, оттого что настоящей культуры в вас нет. Сплошная физиология, с которой, к тому же, вы не в силах справиться… Ведь так? А еще сильный пол! Ведь вы как… как дикие звери на бедных женщин накидываетесь. Сминаете их и душите в своих грубых объятиях, не позволяя им вырваться. Разве это не дикость, разве не варварство?

– Это любовь.

– В вашем представлении… А, по-моему, любовь – это что-то возвышенное, как полет чайки. Или как музыка Чайковского, например. В любви должна рождаться гармония, а не стихия стонов и стенаний, пусть даже страстных. А вы, мужчины, даже в любви все упрощаете до механических телодвижений. И в этом главное ваше заблуждение.

– Но такова наша природа и она диктует нам…

– Тут не в природе дело, – снова перебила меня Татьяна. – Вы не понимаете, что мы, женщины, устроены по-другому… Вы не понимаете, что для женщины в любви важна прелюдия, особая обостренность чувств. Тот искренний порыв, когда она готова все отдать другому… Вы же, мужчины, рациональны во всем. Но рационализм ваш такой грубый, такой беспардонный и дремучий, что прямо стыдно.

– Ну уж, не скажи, – обиделся я. – Мы только тем всю жизнь и занимаемся, что вашего брата боготворим. Стихи о вас пишем, картины, романы сочиняем толстенные, как кирпичи.

– Боготворите, а на уме-то у вас сплошная низость и пошлость… Я ведь заметила, как у тебя глаза блестели там, на горе.

– Тогда почему, ты не остановила меня?

– Я… я пыталась перешагнуть через свое самолюбие, через себя.

– А мне показалось, что и ты…

– Не унижай, прошу тебя! – попросила она.

Метров пять после этого она прошла молча, а потом опять начала говорить.

– Если толком разобраться, – сказал она, – то вы, мужчины, никогда не понимали нас, женщин. Вон у Чехова, что ни героиня, то идиотка. А у Гоголя? А у Толстого? Недаром Ахматова называла Толстого мусорным стариком. Заслужил… Да никто из них бедных женщин так и не смог изобразить по-настоящему, никто не сказал о них всей правды. Только Маргарет Митчелл да Нэнси Като написали то, что нужно. Так, как надо было написать. Но ведь их, как писательниц, почему-то никто всерьез не воспринимает. Не тот уровень, говорят. А если взять драматургию…

Так она разговаривала со мной всю дорогу, пока мы шли до города. Потом бранилась и ворчала, идя за мной по узкой тропинке в нашем саду, когда поднималась по темным скрипучим ступеням на веранду. И только у полога, который уютно висел над широкой кроватью притихла, перестала ворчать, снисходительно подставив свое пылающее лицо для примирительного поцелуя.

Мы уже начали раздеваться, неумело разбрасывая одежду там и сям, мы уже взволнованно, можно сказать страстно задышали, как вдруг в пологе моем что-то зашевелилось и старческий голос оттуда произнес: «Сынок, иди спать домой. Я сегодня здесь спать буду. Мне весь день сегодня было как-то душно, как-то тяжело. Вот я и решила отдохнуть в пологу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.